

Александра Флид

Шоу нашей жизни

Александра Флид

Шоу нашей жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20615084

ISBN 9785448311437

Аннотация

Быть женой кинозвезды непросто. Нора – бедная иммигрантка, которой выпал шанс изменить свою жизнь. Заманчивое предложение заключить временный союз с известным актером кажется ей верным выходом из ее сложного положения. Она даже не подозревает, что именно принесет ей этот брак. Быть актером сложнее, чем может показаться. Эрик уверен в том, что его жизнь движется по замкнутому кругу. Он еще не знает, что совсем скоро в его жизни появится женщина, которая все изменит.

Содержание

Искусство обманывать, говоря при этом правду	5
Как монахини попадают в ад	13
О шариках и колесах	33
Ты тоже все еще любишь меня	56
Цепи и кольца	81
Все дорожки ведут в ад	103
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Шоу нашей жизни

Александра Флид

© Александра Флид, 2016

© Ольга Флид, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4483-1143-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Искусство обманывать, говоря при этом правду

Девушка с черной челкой, одним фронтом перекрывавшей брови, смотрела на него с искренним интересом.

– Я слышала, что не так давно вы позировали для обложки журнала «Боги Олимпа». Это правда?

Эрик лучезарно улыбнулся, попутно пытаясь изобразить смущение.

– Да, правда.

Девушка продолжила напирать со своими вопросами:

– А, правда, что вы работали с самим Соколом?

Он потер гладко выбритый подбородок и кивнул:

– Это замечательный фотограф. Настоящий профессионал, мы с ним часто работаем на одной площадке. Впервые мы встретились, когда я был еще совсем ребенком – мне было от силы семнадцать, не больше. И знаете что? С тех пор, приходя на фотосессию к очередному журналу, и обнаруживая, что буду работать с кем-то другим, я немного теряюсь. «А где же Сокол?» – вздыхаю я. Правда, это быстро проходит, потому, что настоящих профи в этом деле очень много, но все-таки эта детская привычка никуда не делась.

Яркий свет, отражающийся от покрытого белой матовой

пленкой пола и закрытых белым же картоном стен. Эрик стоял в центре, там, где сходились две картонные плоскости. Прямо на него сверху и снизу глядели нагретые софиты.

– Ты, черт бы тебя побрал, понимаешь, что такое жизнерадостная улыбка? Жизнерадостно улыбайся! Жизнерадостно, понял ты меня?

Он растянул губы, обнажил зубки и внутренне пожелал Соколу смерти. Потому что только настоящий маньяк может крыть последними словами, заставляя при этом улыбаться «жизнерадостно».

Сокол в это время отвернулся и закричал на менеджера:
– Сколько ему лет? Пятнадцать? – Затем, услышав невнятный ответ и каким-то образом разобрав его, удивился: – Семнадцать? Боже он что – умственно отсталый? Иди сюда и объясни ему, что значит жизнерадостно! Он скалится так, словно хочет сожрать кого-нибудь.

Пользуясь тем, что Сокол смотрел в другую сторону, Эрик сомкнул губы и мысленно показал ему средний палец. Только мысленно.

Черноволосая нимфа все не останавливалась, и винить ее в этом было грешно – такая у нее работа все-таки.

– А еще недавно вы исполнили главную роль в этом прекрасном фильме с кучей эффектов.

Здесь он должен был подсказать, и Эрик склонился к ней, чтобы произнести запрограммированную без его ведома ре-

плику для этого телевизионного спектакля:

– «Последний сон астронавта»?

– Да! – с восторгом откликнулась она, обрадовавшись его проницательности. – Как вам удалось? Такие сильные нагрузки, а один костюм по слухам весил почти тридцать килограммов...

Какой тонкий намек на его возраст. Эрик даже улыбнулся – вопросы возраста его не очень занимали. В сорок три года он уже не так отчаянно молод, как в двадцать, но еще и не стар.

– Костюм весил не тридцать, так что нагрузки были средние.

Костюм весил двадцать восемь, но уточнять Эрик не стал.

– А вы действительно герой, – подпустив нотку игривости, хихикнула девица.

Скафандр не только ужасно тянул вниз, но еще и давил со всех сторон. Внутри у него постоянно выпирали всякие железки, о существовании которых Эрик не догадывался, пока не влез в него. Наверное, стоило скинуть хотя бы три килограмма. Или даже пять. Но ведь будут еще съемки и без скафандра, а для них нужно выглядеть подкачанным и таким вот лоснящимся кусочком. Таким, чтобы сразу в «Макдональдс».

– Тебе точно не нужен дублер? – заботливо поинтересовался какой-то мелковатый и похожий на малолетку асси-

стент.

– Нет, у меня в этой сцене крупный план, – сквозь зубы процедил Эрик.

Не от злости, нет. Просто когда в районе копчика скребется какая-то проволока, тут уж не до любезностей. Он закрыл глаза и взмолился, чтобы ему хватило терпения не кривиться, когда камера подъедет ближе.

Допрос с томными взглядами продолжался, и Эрик заставлял себя выглядеть как можно дружелюбнее. Даже когда приходилось смотреть на собеседницу. А еще следовало не забывать о том, что к камере нужно поворачиваться исключительно правой стороной лица. Синяк, конечно, хорошо замазали (как же это было мерзко, кожа будто под коркой), но лучше было не рисковать. С этим дешевым освещением никогда не угадаешь. Так сказал Марк, и спорить с ним было бесполезно.

– Еще нам известно, что вы до сих пор встречаетесь со своей бывшей женой. Недавно вас видели вместе...

Задать такой вопрос (без вопросительных интонаций) и остаться при этом тактичной невозможно. Девушка и не старалась. Эрик со своей стороны сделал что мог – улыбнулся. Когда хочешь опозориться и выразиться непечатно – улыбайся. Когда хочешь врезать тому, кто сидит напротив – улыбайся. И когда тебя спрашивают о Норе – тоже улыбайся.

В последнем случае только улыбка и спасала.

– И где же это? – все еще напрягая мышцы лица и уже начиная уставать от этого, спросил он.

– У меня есть фотографии...

На большом экране развернули фото, сделанное явно с многократным приближением. Он и Нора. Рядом играет Берт. Семья в сборе? Да уж, если бы это не было так унижительно, он бы украл это фото для своего альбома, поскольку у него подобных «полных» снимков еще не было. Нужно бы попросить Нору все-таки сделать пару фотографий.

– Да, это мы ходили в местный парк. Там было уютно.

Девушка тщательно и вполне себе качественно изобразила умиление:

– Как же это здорово! Вы еще и семьянин примерный к тому же. Ко всем своим талантам.

Нора только что уехала. Поездом. Это не то чтобы крайность, но Эрику была неприятна мысль, что она вот так поспешно сбежала, не взяв даже машину или хотя бы такси. Марк стоял рядом и курил.

– Ничего бы не получилось, старина, – с видом (и тоном) знатока всех премудростей земных, сообщил он. – Она слишком правильная для тебя. Хорошая девочка, только чуть просроченная.

За «просроченную» захотелось дать ему по затылку или хотя бы в солнечное сплетение, но Эрик сдержался. Нельзя было доказывать ей, что она права, тем более что она навер-

няка еще смотрела в окно.

Не чуя беды, Марк продолжал:

– Но если тебе будет совсем не вмоготу, можешь приезжать к ней. Ребенок-то твой.

Да, Берт был единственной надеждой. Светлым лучиком, так сказать.

Очевидно, остается последняя часть разговора – о серьезном, проникновенном и просто житейском.

– Но ведь, только между нами, – девица склонилась к нему – вы не сразу стали таким, правда? Уж мы-то помним, как вы умели веселиться.

«Между нами» принято говорить на телевидении, и это самое замечательное из всего, что можно придумать, сидя в забитой студии и перед камерой.

– Вынужден согласиться, – с притворным раскаянием признал он.

– Как считаете, женитьба сделала вас другим человеком или это возраст?

– Тут несколько факторов, выделить что-то одно невозможно. Хотя я не стану говорить, что смог бы справиться без Норы.

– Вы как-то признались, что это была любовь с первого взгляда, – осторожно напомнила ему она.

– Так и было.

Противные электронные гудки резали слух, но Эрик упорно ждал. Потому что дозвониться до Марка нужно было просто позарез. Как только с другой стороны раздался щелчок, и зашуршала речь, он взорвался гневной и возмущенной волной:

– Кого ты мне подсунул, а?! Эта чертова монашка меня уже достала!

– А что ты ей сделал? – хрипло, видать, спросонья, полюбопытствовал Марк.

– Ей и делать ничего не надо. И почему это сразу я должен был что-то делать? Она тоже не ангел.

– Зато монашенка, – не упустил случая поддеть менеджер.

– Пошел ты, – все еще бушуя и клокоча, выплюнул Эрик. – Убери ее отсюда, иначе я ее покалечу.

– Ну-ну, остынь. Мы же договаривались, я тебе все объяснил. Так чего ты хнычешь? Это же тебе нужно больше, чем ей!

– Но ей-то тоже нужно! Или нет? Так какого черта она вообще не старается?

– А чего ты от нее хочешь?

– Пусть ведет себя нормально.

Марк ехидно посоветовал:

– Иди к ней и скажи, чтобы вела себя нормально. Чего проще?

– Я с ней больше не разговариваю.

– А теперь надувай губки и отвернись к стене.

Эрик отключился и едва не разбил трубку об стол.

От света прожекторов у Эрика уже горело лицо, и он мельком взглянул на часы, висевшие за спиной ведущей. Осталось две минуты.

– Ну, и в заключение нашего выпуска, хотелось бы попросить вас пожелать чего-нибудь прекрасного нашим зрителям.

Эрик повернулся к камере и уставился в черный круглый и покаты́й глаз, с трудом донашивая свою резиновую улыбку. Последние минуты, Господи, дай не отрубиться прямо на полу под креслом.

– Любите тех, кого любите. Любите так, чтобы они знали об этом.

Дебильное пожелание. Это все накрахмаленная девица виновата – зачем она вытащила в разговор Нору? Не упоминала бы о ней, и пожелание вышло бы гораздо лучше.

Как монахини попадают в ад

– Нет, понимаешь, это просто необходимо. Конечно, такие дела не делаются за полгода, и тебе нужно больше времени. Но подумай вот о чем, Эрик. Премьера назначена на лето, так? А сейчас уже ноябрь. И кто знает, что будет впереди – черт дернет этих упырей, и перенесут дату на весну. Что тогда? Мы ведь совсем пустые. Нужно как-то напомнить о тебе людям, понимаешь? Нужно чтобы ты вновь замелькал на обложках и появился пару раз с хорошими новостями. С хорошими, заметь. А твои гулянки, кривые рожи и мятые рубашки уже давно лежат в архивах желтых сайтов, которые никому не нужны. Их просматривают фанаты-малолетки, которые выпрашивают деньги на кино у родителей. Не окупаемая публика, короче. В твоем случае, когда рейтинг шестнадцать плюс, надежды на школьников вообще никакой. Да и понимаешь, на самом деле, у тебя уже и не осталось таких фанатов – последние выросли и обзавелись бородой лет пятнадцать назад – прости, мужик, но это же факт, сам понимаешь.

– Ну, хорошо, хорошо, не порть мне нервы. Чего ты хочешь?

– Найди себе жену. Хорошую такую, чтобы она всем понравилась.

– Новые жены всех только бесят, и ты это знаешь.

– Нет, не все. Если ты найдешь простушку, то у тех, кто поглупее, появится надежда – «Авось, и мне когда-нибудь повезет?». Другие, кто похитрее, просто подумают: «Стало быть, действительно влюбился». Ну и остатки просто заметят, что давно бы уже пора тебе остепениться, дорогой.

Эрик ухмыльнулся и откинулся на спинку кресла. В кабинете Марка на него всегда накатывала апатия – наверное, действовали белые стены, которые напоминали о реабилитационных центрах. Там, где он лежал в последний раз, им разрешали даже рисовать на стенах – ремонт окупался за счет очень высокой оплаты. Они платили там больше, чем в пятизвездочном отеле. И все это для того, чтобы сейчас он сидел напротив Марка, держал руку в кармане куртки и перекатывал между пальцами колеса. В светло-розовой оболочке, которая, наверное, уже подтаяла от постоянного контакта с горячими ладонями.

– Жениться? Да ты гений, – задрав подбородок и глядя в потолок, вздохнул он. – Мне от твоих предложений курить хочется.

– Жениться можно на пару лет, ничего с тобой не делается.

– А не пошел бы ты?

Говорить можно было сколько угодно, но Марк все равно бы никуда не ушел – уж если вцепился, то обязательно добился бы своего. А на этот раз Эрик чувствовал, что Марк действительно вцепился.

– Я уже сходил.

Оппа. Что и требовалось доказать. Эрик шмыгнул и вытащил руку из кармана. Пальцы были липкими и наверняка сладкими – у этих колес вечно какая-то детская оболочка.

– И удачным был поход? – почти без интереса.

– Да. Я тебя с ней познакомлю завтра вечером, когда ты промоешь желудок от всей этой дряни. Сколько раз говорить тебе, что я все равно вижу, когда ты...

– А я и не прятался. Но завтра я никуда не пойду, да и сегодня ничего промывать не буду. Я устал. Съемки закончились всего месяц назад, я не могу сразу вот так переключиться...

– Народ уже забыл тебя, Эрик. Хочешь, чтобы фильм провалился? Ты этого хочешь? Никому твоя рожа не нужна, понимаешь ты это или нет? На тебя уже никто не хочет смотреть.

– И почему я тогда все же получил эту роль?

– Это не роль, а милостыня. И если ты не соберешь ошметки своих мозгов или хотя бы не послушаешься меня, то совсем скоро пойдешь по улицам за реальными подаяниями. Таких как ты в ближайшем районе с полсотни – все бывшие звезды, секс-символы и богачи как на подбор. А через десяток лет почти на улице и умирают в одиночестве, чтобы через неделю соседская собака унюхала их через дверь.

Будущее было живописным, но воображение отчего-то совсем не желало включаться в процесс, а потому все слова

звучали не как злое пророчество, а как бесконечный зуд воспитателя. Эрик, поморщился – Марк говорил слишком уж громко.

– И жена поможет мне не стать нищим? Она что – миллионерша?

– Нет, как раз наоборот. Ты слушаешь, что тебе говорят? Тебе нужна не та, которая даст денег, а та, которая поднимет твой престиж, идиот.

– И что, милая провинциалочка поднимет мой рейтинг?

– Да. Как шведский король, который женился на официантке, помнишь? После свадьбы его репутация взлетела до небес, где до сих пор и пребывает.

– Да ну. Кажется, ты что-то путаешь или преувеличиваешь.

– Не суть. Главное, такое уже было и это классика – работает постоянно.

– И кто она? Я имею в виду, кого ты мне там нашел?

– Иностранка. Милая девочка.

– Кто?

Можно было ожидать чего угодно, но вот чтобы он притащил ему иммигрантку... Или как там их называют? Короче, связывать свою жизнь (пусть и на пару лет) с беженкой Эрик никак не собирался.

– Я специально ходил в банк, смотреть на тех, кто получает денежные переводы и разбирается с документами. Там ее и выловил. Не смотри на меня так.

Эрик бросил в него одной таблеткой и попал (хоть не обидно) прямо по носу. Марк потряс головой и потом еще потер это место ладонью, как будто одна таблетка могла оставить на нем смертоносные миазмы.

– Ты хочешь, чтобы я сдох, – озвучил свой вывод Эрик.

– Нет, я хочу, чтобы мы оба жили в своих домах. Она тебе понравится, – все время возвращаясь к оригинальной теме и не теряя нити, пообещал ему Марк. Опрометчивое обещание. – Она красивая.

– Ага, теперь понятно, отчего приехала сюда. Зарабатывать.

Марк скомкал бумажку и бросил в него – ответный выстрел, правда, не такой уж и меткий.

– Ты на себя посмотри, козел, – совсем уж обиделся менеджер. – Я тебе кого попало не приведу. Тем более жениться – это не встречаться. Это уже серьезнее.

– Ага, понял. С бывшими проститутками мы дело не имеем, да?

Марк вздохнул, а потом поднял руку и указал поверх его головы прямо на дверь:

– Пошел вон. Пшел!

Нора пришла в этот дом тенью – тихой, серой и скользящей. Он не мог определить ее возраст, потому что никогда не видел подобных женщин. Белая кожа, черные как смоль волосы, карие глаза в обрамлении длинных ресниц и тонкие

губы, сжатые в линию. Вначале она показалась ему толстой, но потом он понял, что все не так плачевно – это была просто неправильная одежда, вот и все.

И она не задавала вопросов. Просто сидела в шезлонге (Марк попросил Эрика показать ей площадку для отдыха) и смотрела на дно сухого бассейна.

Это был настоящий цирк – словно они изображали средневековых заплесневелых человечков, собравшихся на смотрины или решивших выпить чаю перед помолвкой. Марк нервничал даже больше, чем они вдвоем вместе взятые, а потому, как только у него зазвонил телефон, он сразу же сбежал в дом, не скрывая облегченного вздоха. Оставил их наедине, так сказать.

Делать было нечего.

– Так значит, вас зовут Нора? – уточняя и без того очевидное, спросил Эрик. Нет, придурком он не был, но нужно же было с чего-то начинать.

– Да. А вы, значит, Эрик.

– Кажется, многие знают это и без личного знакомства.

– Я не знала.

Она не смотрела кино? Конечно, его звезда закатилась еще лет десять назад, и с тех пор Марк все пытался вкатить ее обратно на небосклон, но ведь она тоже далеко не маленькая девочка! Должна же она знать хоть что-то. Или нет?

– Что, правда?

Она кивнула и сняла с носа прозрачные очки:

– Да.

Когда она смотрела на вещи – бросала взгляды на обстановку в доме, проходила мимо гаража и даже выбирала подходящий шезлонг – в ее взгляде не было совершенно никакого интереса. Словно она глядела на мебель только для того чтобы не удариться и не своротить что-нибудь по дороге, а дверь в гараж была для нее продолжением соседской стены. Однако теперь, когда она уставилась на него, Эрик ощутил неприятное волнение – ему показалось, что будущая жена изучала его. Впрочем, он был недалек от истины.

– Вас что-нибудь интересует? Я имею в виду...

Да что же это он мнется как придурок? К чему все эти смущения и запинания? Ему ли не знать, что это просто сделка, в которой у одной из сторон нет юриста? Кстати, такой стороной была именно она. У нее вообще никого не было. Эрик привык вести себя немного развязно, если речь шла о гостях женского пола. Обычно им это нравилось. Однако все это время в его доме бывали лишь красивые глянцево-девицы с длинными ногами и подведенными ресницами. Таких, как Нора здесь точно не могло быть – он просто не пригласил бы такую женщину к себе домой. Он даже не знал никого, кому подобная идея могла прийти в голову. И все же, теперь она должна была не только приходить в гости – она должна была поселиться здесь.

– Марк сказал, что от меня многое не потребуется, – глухим и каким-то упавшим голосом сказала Нора. – Никаких

интимных отношений, совместного отдыха и фотографий. Просто я должна находиться неподалеку, жить в этом доме и сама покрывать все свои расходы.

Эрик оглядел ее с ног до головы, прикидывая, сколько могла стоять вся эта одежда. Сумма получалась меньше, чем лежало в кармане его домашнего халата. У этой женщины запросы явно не были высокими, так с чего Марк переживал о деньгах, было не совсем ясно. Наверное, боялся, что со временем она потеряет голову и станет просить себе личный самолет.

– Ну, отсутствие интимной жизни меня тоже не пугает, – честно признался он. – Хотя, вопрос финансов немного проще – я сам могу оплачивать ваше проживание, вам работать ни к чему.

Тем более, кем она будет работать? Поваром в закусочной? Такие дела уж точно его рейтинг не поднимут.

– Всего два года, – пожала плечами она. – Это не так уж и много.

– Сколько вам лет? – окончательно отбросив церемонии, спросил он. – Мне, к примеру, тридцать восемь.

– А мне тридцать.

Если оценивать только ее внешность, то она выглядела моложе. Если смотреть в глаза – старше. Эрик даже потряс головой, пытаясь отвлечься.

– Мне от вас нужно только одно – не мешайте моим делам, – ощущая жгучее желание надавать самому себе поще-

чин, сказал он. – То есть, никаких вопросов. Куда я уйду, когда прихожу, с кем ложусь спать – это не ваше дело. И если я уеду на неделю, не сказав ничего вам, не смейте звонить в полицию. И вообще, забудьте все эти ваши женские штучки. Никаких врачей и скорой помощи.

– А Марку мне можно будет позвонить? – флегматично уточнила она.

– Марку? – он явно не ожидал такого вопроса и даже растерялся. – Да, конечно. Только ему и можно. Страдать долго не придется – сами сказали, всего два года. Надеюсь, сработаемся?

Нора смотрела на него гипнотизирующим спокойным и ровным взглядом.

– Конечно.

– Что мне нужно, мы поняли. Чего хотите вы?

Она немного подумала и даже мельком облизнула губы. Затем отвела взгляд и снова стала смотреть в пустой бассейн.

– У меня все есть, мне нужно только гражданство, – не отводя глаз от бассейна, проговорила она. – Только решить проблему с законом, и все.

– И больше ничего? Я могу купить вам машину и обновить ваш гардероб – разве вы об этом не думали? Что-то из практической части жизни.

Она отрицательно качнула головой и улыбнулась – это была приятная и даже добрая улыбка.

– Я справлюсь сама. Если вы согласитесь принять меня

в этом доме, то больше мне и не нужно.

Складывалось впечатление, что до того, как прийти сюда, она голодала и спала на улице. Хотя, возможно, так и было.

– Что ж, тогда пройдемся, – предложил он, хлопнув себя по коленям и поднимаясь с шезлонга. – Здесь довольно мило. Я покажу вам место, где вы будете жить.

После этого коротенького разговора ему стало ясно, почему Марк выбрал именно ее. Она была... никакая с виду и очень сложная внутри. Очень самостоятельная, без запросов и абсолютно безразличная ко всему, что не касалось дела. Стало любопытно, что же такого она сказала Марку при знакомстве и вообще, как он ее нашел, и Эрик решил отложить все расспросы до времени, когда она уйдет.

Еще в тот вечер, когда Марк позвонил ему и снова завел речь о свадьбе, Эрик понял, что отвертеться не удастся. Это было так просто – еще одна авантюра, только с человеком со стороны. И он сдался. Сразу же пошел оглядывать свои владения и размечать территорию жизни для себя и будущей жены. Так родилась идея о реставрации пристройки, о существовании которой он уже успел забыть.

Показывать ей это место было даже немного стыдно – она уже видела, в каких условиях жил он, а теперь он показывал комнаты, в которых собирался поселить ее. И они, к слову сказать, были не в самом лучшем состоянии.

– Завтра приедут ремонтники, они обещали выправить тут все за три дня. На самом деле, тут не так уж и плохо.

Клянусь, если бы Марк сказал мне раньше, то я бы все тут расчистил еще до того, как вы пришли сюда.

Оправдываться – значит, признавать свою вину. Эрик чувствовал себя просто слабоумным или последним тупицей.

Нора разглядывала заляпанные дождем окна, которые никто не мыл последние пару лет, и в ее глазах снова плескалось самое дзенское спокойствие из всех, что он когда-либо видел. Удивительная реакция.

– Здесь нужно только прибраться, – заметила она. – А так очень даже хорошо.

Неприхотливая – это мягко сказано. Пожалуй, ей от него было нужно даже меньше, чем ему от нее.

А потом она поселилась в этом доме – Марк привез ее из той ночлежки, где она спала до этого. Из вещей при ней был только небольшой чемодан с вещами, серый плащ на своих плечах и коробочка с ноутбуком, который, судя по всему, должен был отправиться к праотцам еще года три назад. К этому времени пристройку уже отмыли и даже покрасили, а потому вести ее в эти «апартаменты» повторно было уже не так мерзко. Он перетащил туда мебель из одной спальни своего дома, и теперь у нее появились стулья, большой стол, не менее внушительный диван и хорошая кровать (даже с пологом). Для погасшей звезды он жил очень хорошо, и за все это стоило благодарить только Марка. И за бу-

душую жену, с которой он отныне должен был делить свой двор, тоже нужно было благодарить именно его.

Эрик и сам удивился тому, что Нора его совсем не раздражала. Ее действительно не было ни слышно, ни видно. Она сидела в своей пристройке – тихая как мышка и очень аккуратная. К ней не заходила прислуга – она заявила, что убираться будет только сама. Свадьбу договорились сыграть (какое буквальное слово) в конце января, когда уляжется вся предпраздничная и похмельная шумиха. Проблем никаких на горизонте не было, и Эрик уже решил, что жизнь не так уж и плоха, когда Марк решил изменить правила игры.

Марк в этой истории оказался ангелом и демоном в одном лице – он играл на нервах у обоих своих подопечных и самым наглым образом дурачил их. А ведь они еще даже не поженились.

Звонок с утра пораньше мог выбить его из равновесия, даже если он был вполне безобидным, но голос Марка не предвещал ничего хорошего. Была вторая половина ноября, весь двор был завален листьями, и Эрик любовался этим желтым и шуршащим великолепием из окна своей кухни, когда трубка взорвалась вибрациями и поползла по столешнице как нечто живое.

- Так, старик, ты уже проснулся? Доброе утро! За такую жизнерадостность его хотелось убить.
- Да, я уже проснулся.
- Как поживает твоя миссис?

– Моя фрау поживает отлично. Можешь заехать и убедиться в этом сам.

По правде говоря, он не знал, как она там живет и его это не особо волновало. Она не мешала ему и совсем не показывалась на глаза.

– Иди и сам проверь, – посоветовал ему Марк. – У вас сегодня первый выход. Общий. Я заказал фотографа к двенадцати. Чтобы оба были как огурчики уже к половине одиннадцатого, понял? И проследи, чтобы она поела.

– Сам ей все это скажи! У тебя же есть ее телефон?

– У меня ее электронная почта, а она с утра ее не проверяет. Иди к ней, тебе что сложно? По своему двору пройти уже не можешь?

Только сейчас до Эрика стало доходить, чего именно просил у него Марк.

– Стой, стой, стой. Куда это ты заказал фотографов? Она сказала, что ты ей обещал никаких фотографий.

– Мало ли что я ей сказал? Не думал, что она все упомнит. И потом, ей все равно деваться некуда. Она уже привыкла к комфорту, и уезжать не захочет. Топай к ней, одень ее нормально и впихни ей хоть один бутерброд, я тебя прошу. Чтобы она не была голодной к двенадцати, ясно? Мне нужно, чтобы вы там не жрали, а смотрели друг на друга и говорили друг с другом, ясно?

– А секса на пляже тебе не надо? – разозлившись, гаркнул Эрик. – С чего это вдруг мы будем трепаться и пялиться друг

на друга?

– С того, что нужно готовить народ к твоей свадьбе, ту-пица.

Ну, раз для дела...

Эрик поставил кружку на стол, расплескав горячий кофе, а потом направился к задней двери, так и не сменив при этом халат на что-то более официальное.

Путь к пристройке был припорошен листьями даже сильнее, чем сам двор – похоже, здесь подметали реже. И, стало быть, Нора совсем не выходила из дому. Он постучался в дверь и приготовился ждать. Хотя, ждать пришлось не очень долго – она открыла уже секунд через тридцать. Растрепанная спросонья и какая-то помятая, она казалась бледнее обычного. Длинные волосы собраны в хвост, безразмерная майка почти до колен – оказывается, она невысокого роста. Из-под майки выглядывали сгармошенные бермуды. Это и есть ее пижама?

– Привет, – дыхнув на него сонным теплом, улыбнулась она и отошла внутрь.

– Привет. Ты должна собраться и позавтракать. В половине одиннадцатого позвонит Марк, скажет, куда нужно ехать.

– Зачем?

Он оглядел «квартирку» и ухмыльнулся. Ничего нового не появилось, но признаки жизни преобразили даже эту бес-толковую мебель. Нора не пыталась украсить этот дом или сделать его уютнее, хотя определенный порядок здесь все же

появился. Стол она передвинула к окну, а диван переместился вплотную к нему. Два лишних стула куда-то подевались.

– Зачем? – выгадывая еще секунду, повторил он, все не переставая оглядываться. – Пригласил папарацци. Чтобы публику познакомить.

Она вздохнула и уселась на диван. Он последовал за ней.

– Он обещал мне никаких фотографий.

– Я тоже так сказал, но видишь ли, детка, у него свой расчет. Это же не совместный выход и не фотосессия. Это просто совместный завтрак в кафе, а там просто мимо пробежит человечек с камерой и щелкнет нас пару раз. Тем более, нам скрывать нечего. Если уж я не прячусь от фотографов, то с чего тебе этим заниматься. Тебя ведь никто здесь не знает?

Нора скрестила руки на груди и упрямо сжала губы:

– Все равно. Мне это не по душе.

– Мне тоже, можешь поверить, но придется пойти. В конце концов, нам не нужно даже держаться за руки – просто посидим рядом, поговорим.

На ее лице бегущей строкой было возмущение, которое вот-вот перерастет в настоящий гнев. Никуда она не собиралась, и с этим нужно было срочно что-то сделать.

– Раз уж ты переехала сюда, то такую-то мелочь мы позволить можем? И потом, с чего это я должен с тобой нянчиться? Это нужно нам обоим! Надоело уже упрашивать.

Она кивнула, глядя точно в стену напротив.

– Хорошо, если так надо, то я пойду.

После этих слов в нем проснулось любопытство.

– Что наденешь?

Нора повернулась к нему и спросила:

– А что нужно?

– Прогулочное платье было бы кстати. У тебя есть?

Ее взгляд сделался бессмысленным, и его даже охватило беспокойство, но она, вопреки его ожиданиям, кивнула:

– Да. Вельветовое. Бордового цвета.

– Лучше покажи.

Конечно, платье никуда не годилось. Фасон, который выдрали еще из восьмидесятых – платье было отрезное по линии талии, с накладными карманами и клапанами-обманками наверху по обеим сторонам от отложного воротника. Такое платье лучше было сдать в музей.

– Не годится. Да еще и до колен. Ты что – монашка? Надо выбрать что-то приличнее. Черт, я не модельер, но даже мне видно, как это... безвкусно.

Она подняла брови и уставилась на него с вопросом, в котором явно сквозил сарказм. И при этом ей даже не понадобилось открывать рот.

– Ну чего ты смотришь? – уже чувствуя себя неудобно, разозлился он. Если бы она не была им нужна, то он выбросил бы ее прочь в два счета. Одни проблемы от этой дамочки. – Это фуфло, а не платье.

– Я к другим не привыкла.

Почему-то ему показалось, что она солгала. Эрик даже от-

вернулся к окну.

– Хорошо. Значит, собирайся сейчас же. По дороге купим где-нибудь поесть, а потом заглянем в магазин. Выбери там себе что-то более... современное.

– Я еще не накопила на одежду, – невозмутимо сообщила она.

– Что? – Он даже не сразу понял, серьезно ли она говорит. – У тебя не хватит денег на платье?

– Не хватит.

– Черт, как бы мне не сдохнуть с тобой.

Чтобы у взрослой тетки не было денег на какое-то вшивое платье – такого он еще не слышал. Разве что в очень раннем детстве, но теперь уже казалось, что все это было не с ним.

– Купим на мои. Или твоя гордость пострадает? – возвращаясь к ней, предложил он. – Это считанные гроши, я не обеднею, но сберегу нервы.

Она ничего не ответила, но было видно, что эта мысль ей тоже «не по душе». В то, что ей тридцать лет, верилось с трудом. Он протянул к ней руки и сжал ладони в кулаки, показывая наглядно, что ему хотелось сейчас сделать. Почему-то она улыбнулась, и ее глаза засмеялись.

– Тогда сейчас мы пойдем в мою спальню, и ты возьмешь из моего гардероба то, что подойдет. А если откажешься, я тебя убью.

Увидев Нору в старой спортивной куртке Эрика и в его же

джинсах с резиновыми подтяжками поверх серой рубашки, Марк почти засучил ногами от восторга.

– Так даже лучше, намного лучше, – приговаривал он, обходя вокруг нее кругами.

Сама Нора была с ним не согласна, но мудро держала свое мнение при себе. На вкус Эрика она выглядела как фермер, у которого отняли лопату и тачку, но так было лучше, чем сидеть рядом с дивой из ретро-журнала.

– И что тут хорошего? – глотнув холодного кофе из бумажного стакана, спросил он.

– Она в твоих шмотках! Гениально.

– Думаешь, кто-то помнит, что это мои шмотки?

– Зато мужские, это же сразу ясно, – все еще искрясь воодушевлением, прокомментировал Марк.

Нора притворялась немой, и ей эта роль очень нравилась – она сидела с опущенной головой и изучала полированный столик.

– Да, и она выглядит как лесбиянка, – критично добавил Эрик.

Она подняла на него осуждающий взгляд и задала тупиковый вопрос:

– И что?

– Ничего, – буркнул он. – Я же не могу жениться на женщине, которая не любит мужчин.

Марк кивнул и уселся рядом с ними, подвинув еще один стул.

– Когда придет фотограф, мы это исправим. На одном из снимков ты просто запусти руку в карман ее куртки и сделай вид, будто что-то ищешь там. Сразу будет ясно, что одежда снята с твоего плеча.

Нора окинула его скептическим взглядом, но ничего не сказала. Новая идея тоже была ей «не по душе», но возражать она не стала.

Эта фотосессия была самой утомительной на его памяти. Партнерша оказалась совершенно неопытной и непонятливой. Через полчаса после прибытия фотографа она уже начала злиться, хотя и старалась не подавать виду. Румянец во всю щеку выдавал ее, и Эрика это даже развеселило.

Марк скакал вокруг них как настоящий постановщик и раздавал указания, разве что софитов не было, а то он бы и их расставил. Видимо, вся эта ситуация очень его вдохновляла.

– Что не так? – наклонившись к ней, спросил Эрик.

– У меня заказ простаивает. Еще вчера нужно было сдать, а теперь из-за этого цирка я потеряю его.

– Марк тебе заплатит, если ты досидишь здесь до конца и поцелуешь меня.

Нора повернулась к нему, и за ее насмешливый взгляд ему страшно захотелось дать ей затрещину. Или сделать еще что-нибудь. Хорошо, что она ничего не добавила, иначе бы он не сдержался.

– Так, ребята, точно, держитесь в таком положении. –

Марк почему-то начал их поощрять, хотя это было крайне безрассудно с его стороны.

Если бы они продолжали в том же духе, то закончилось бы все дракой на бетонном полу. Жених и невеста, да уж.

То ли ему просто захотелось позлить ее, то ли он и вправду очень устал – Эрик и сам уже плохо помнил, зачем он взял ее стул за край сидения и потянул на себя. Нора поехала вместе со стулом на страшно дребезжащих ножках, а Марк зашелся от восторга. Продолжая глядеть на него, Нора подвинула к себе свой кофе, а Эрик перехватил ее руку по дороге, забрал стакан, открыл крышку и сделал большой глоток. Она приняла навязанную игру и ответила тем же – взяла его стакан, попробовала кофе и оставила стакан у себя. Стало быть, хоть что-то она еще соображала.

– И чем же ты занимаешься? Что за заказ?

– Рисую иллюстрации к детским книжкам, – ответила она, немного отстранившись от него.

По ее меркам он приблизился к ней слишком близко.

О шариках и колесах

Берт рос очень похожим на своего папу. Нора отмечала сходство во всем – даже в самых незаметных мелочах и коротких движениях мальчик невольно повторял Эрика. Одной из таких особенностей была нетерпеливость.

Маленький ураган пронесся по первому этажу, топая босыми ногами и завывая:

– Ку-у-у-у-ша-а-а-ать! Я хочу кушать, я хочу кушать, я хочу...

Нора поймала его, выскочив из-за угла и зажав ему рот ладонью. Берт отозвался восторженным визгом – мама решила поиграть. Мамины ладони пахли кухней – чем-то жареным, вкусным и горячим. Берт не удержался и тихонько куснул мягкие руки, за что тут же получил легкий шлепок по попе. Правда при этом еще и высвободился – маме пришлось отпустить его всего на мгновение, но ему этого хватило, чтобы побежать дальше по коридору.

Раздался телефонный звонок, и они оба понеслись к балкону, где и был установлен допотопный (Эрик назвал его раритетным) аппарат. Нора подняла трубку, зажала ее между ухом и плечом и ухватила сына за майку, из-за чего трикотажная ткань растянулась почти вдвое – Берт все не бросал попыток вырваться. Используя вторую руку, она вцепилась в его запястье и потянула на себя, а потом уселась на стул

и перехватила малыша за живот, чтобы он никуда не соскользнул. На кухонном столе, в небольшом блюде покоились выложенные горкой сырны шарики, которые она пожарила всего пару минут назад. Берт до них добираться было никак нельзя, иначе он бы объелся и потом стал страдать животом, что привело бы к бессонной ночи.

– Привет, – раздался хриловатый голос Эрика. – Как поживаешь?

– Все отлично, спасибо, – улыбулась она.

Берт насторожился и даже притих. Таким голосом мама разговаривала только с папой, и это был верный знак – теперь есть, кому пожаловаться.

– Это папа? Дай!

Теперь Нора поднялась на ноги, и Берт при этом соскользнул на пол – нужно было попытаться удержать трубку в своих руках, чтобы он не сбил с Эрика весь деловой настрой. Соблюдать дистанцию, когда между ними вечно прыгал ребенок, было почти невозможно. Чем старше становился сын, тем острее Нора ощущала связь с его отцом. Ту самую связь, которую она так усердно пыталась разорвать.

– Дай! – надрывался Берт, видимо, решивший поаябедничать.

Нора закрыла трубку ладонью и посмотрела на него сверху вниз:

– Нет, не сейчас. А если будешь и дальше так кричать, то вообще только в следующий раз дам поговорить. Совсем

избалованный.

Берт упер руки в бока и нахмурился. Чтобы не расхохотаться и не испортить воспитательную процедуру, Норе пришлось призвать на помощь все силы.

– Это папа, дай я хочу сказать!

Трубка зашуршала снова, и Нора убрала руку, прикладываясь к ней ухом, но, не выпуская сына из поля зрения.

– Тебя тут народ требует, так что давай скорее, – попросила она.

Эрик на том конце отозвался растерянным и даже обиженным вопросом:

– Так ты не слушала? А я тут распинаюсь...

– Я отвлеклась на секундочку, можешь повторить?

– Да, конечно. Вот, послушай. Я тут недавно подумал... ты смотрела то последнее шоу в одиннадцать тридцать?

– Нет, – не моргнув глазом, солгала Нора.

– Мне там показали нашу фотографию. Ты, я и Берт – мы там были все вместе. Я подумал и понял, что у нас такой нет. Надо бы сделать, как считаешь?

Нора кивнула:

– Вот закончится промо-тур, вернешься к обычной жизни, и милости просим – можно будет даже пригласить фотографа к нам или самим поехать куда-нибудь. У тебя ведь полно знакомых?

– Так ты не против? – немедленно обрадовался Эрик. – Ты согласна?

– Конечно, что тут такого. Тем более что Берт уже совсем большой.

Вопли разочарованного и обиженного Берта прорвались даже через расстояние и телефонные огрехи.

– Папа! Мама, дай мне, дай мне! Папа, она не дает мне телефон!

Эрик засмеялся и вздохнул, а Нора торопливо обошла вокруг стола, отдаляясь от сына и выгадывая себе еще секунду:

– Ну, так что? Поговоришь с потомком?

– Давай. Только потом не клади трубку сразу, а то я знаю тебя – сбежишь при первой же возможности.

Нора ничего не ответила – Берт уже доскакал до нее и принялся оттягивать подол ее платья, что грозило скорой и необратимой порчей имущества.

– На, возьми ты уже своего папу, – протягивая ему трубку, сказала она.

Берт не обратил никакого внимания на ее сердитое лицо и такие же слова – его полностью занимала привлекательная перспектива поговорить с отцом, который вечно во всем ему поддакивал. Наверное, именно поэтому он так любил с ним болтать. Ну, и еще потому, что при разговоре можно было сделать заказ на новые игрушки – и откуда только идеи брались? Нора подозревала, что в скором будущем им придется выделить отдельную комнату под все хозяйство маленького Берта – все его мишки-машинки-мозаики уже не помещались даже в коробку из-под новой стиральной машины.

Между тем довольный Берт сообщил своему вечному защитнику:

– Папочка, я хочу кушать!

Нора рассмеялась и прикрыла рот рукой – уж с этим Эрик точно не мог ему помочь. Ей было любопытно, что он ответит сыну, но услышать это было нельзя. Хотя, судя по довольному лицу малыша, папочка говорил что-то приятное, а вот что именно – непонятно.

– Жареные комочки вкусные такие, – пояснил Берт, показывая попутно своими пухлыми ручками форму и размеры этих самых комочков.

Значит, Эрик спросил, чем они будут обедать.

– Компьютер? – Глазки Берта загорелись новой надеждой.

Нора кивнула и пошла к компьютеру – его нужно было еще включить и подождать, пока запустятся все программы. Ясно – сегодня у них будет скайповый обед.

– А ты что будешь кушать?

В прошлый раз они попытались подобрать одинаковую еду – чтобы было веселее и ближе. Остановились на курице и тушеных овощах. Разволновавшийся Берт даже предлагал отцу попробовать кусочек из своей тарелки, на что Эрик скромно ответил, что у него тоже вполне терпимая еда. Берт был убежден в том, что папа его обманул только чтобы утешить – он свято верил, что никто на свете не умеет готовить вкуснее, чем его мама. Это было предметом особой гордости для Норы, и всякий раз, слыша от него такие слова, она на-

чинала светиться от переполнявшей ее радости.

– А комочков нету? – расстроился в это время Берт. – А если я тебе дам?

Он все еще не вполне понимал, что через экран компьютера нельзя угостить чем-нибудь. Ему казалось, что если можно обмениваться словами или взглядами, то вещами или едой тоже можно поделиться. В результате монитор пачкался жирными разводами или оставался заляпанным маленькими пальчиками со следами томатного соуса. Обеды и ужины в скайпе стали для них главным развлечением в те дни, когда Эрик бывал слишком далеко.

Нора опустила голову, дожидаясь, пока компьютер придет в состояние полной готовности. Интересно, общается ли он так же тепло со своим старшим сыном? Она виделась с ним всего несколько раз, но его образ отпечатался в ее мозгу так, что она не смогла бы его забыть даже при всем желании. Впрочем, такого желания у нее никогда не возникало.

Когда все было почти готово, раздался встревоженный голос Берта:

– Мамочка, папа зовет тебя!

Пришлось встать и пойти к телефону. Прежде чем принять трубку, она крепко взяла малыша за руку, посмотрела ему в глаза и сказала:

– Сиди тихо, понял? Папа там все слышит.

Личико Берта на миг стало озадаченным, а потом он кивнул и расслабился. Видимо, решил, что уж пару минут мо-

жет посидеть спокойно. Когда договоренность с сыном была налажена, Нора села на ближайший стул и вновь приложила трубку к уху.

– Так о чем еще ты хотел поговорить?

– Просто хотел поболтать с тобой. Сложный период, ты же знаешь, – в его голосе звучала улыбка, и Нора сама улыбнулась в ответ.

– У нас мало времени, потому что сорванец действительно сильно хочет есть. Может, продолжим уже в скайпе?

– Нет, хочу послушать только тебя. Не пойми меня превратно, я люблю нашего сына, но иногда так хочется поговорить только с тобой.

– Тогда звони ночью, когда он спит.

– Ночью? У меня в голове не те мысли, дорогая.

Нора поджала губы. Каждый раз, когда она бывала с ним вежливой и милой, он норовил переступить черту, которую она провела три года назад после рождения Берта. Ей и самой хотелось нарушить запрет, но она не позволяла себе даже слабых попыток пересечь границы. Не только ради себя. Она ведь теперь не одна, а с маленьким, и это уже гораздо серьезнее. Кто знает, чем бы все закончилось, если бы у нее не появился чудный мальчик, за благополучие которого она была готова отдать собственную жизнь? Возможно, она бы поддалась уговорам Эрика, и тогда ей пришлось бы терпеть и страдать, десятилетиями натягивая на себя одну и ту же маску. Она уехала из родной страны и порвала связи со все-

ми, кого знала не для того чтобы потом попадаться в те же сети вновь.

– Эрик, – укоризненно прошептала она, хотя Берт все равно не мог их расслышать. – Осторожнее, я ведь и цапнуть могу.

– Понял-понял. – Она даже увидела, как он примирительно поднимает руки, чего Эрик, конечно же, сделать не мог, поскольку ему, как и ей, приходилось чем-то держать телефон. – Просто... просто я очень устал, и мне жутко хочется потрепаться как в старые времена. Этот тур меня совсем вымотал. Может, мне пора на пенсию? – не то в шутку, не то серьезно спросил он.

– Может, и пора, – в том же тоне ответила она.

– И тогда ты вернешься?

– Куда?

Он выдержал выразительную паузу, а потом ухмыльнулся:

– Это не совсем верный вопрос, ты же знаешь. Не куда, а к кому. К тому, кто может отвезти тебя куда угодно.

– Об этом рано говорить, ты же еще не на пенсии.

– А ты бы хотела? Ты, конечно, прости, но, сколько можно вилять? Милая, на тебя этот так не похоже.

– Вилять? – Она задумалась. – Я ушла всего один раз и больше ничего не обещала.

– Но когда я спросил тебя, вернешься ли ты, если я исправлюсь, ты не сказала свое твердое «нет», не правда ли?

– Хватит, ты меня уже раздражаешь.

– Ладно. Ты уже разбудила своего железного дровосека? – подразумевая ее компьютер, спросил он.

– Да. Дай мне секунду, и мы появимся в эфире.

Исправиться. Нора не знала, мог ли он исправиться. Нет, конечно, он не сидел на героине, и ей говорили, что психоделики не вызывают слишком сильную зависимость, но она видела, к чему приводят такие приключения. Ей было абсолютно наплевать на все его обещания, потому что она знала, что именно из-за этих чертовых колес у Эрика не сложились отношения с Парисом – его старшим сыном от первого брака.

От мыслей ее отвлек полный ожидания и надежд взгляд Берта – он смотрел на нее снизу вверх своими глазками-бусинками и явно мечтал о том, что совсем скоро ему дадут погрызть те самые сырные шарики или комочки, о которых он так восторженно рассказывал папе.

– Берт, милый, – поцеловав его в лоб, улыбнулась она. – Мы должны договориться. Вначале ты скушаешь немного супа, а потом я дам тебе шарики. Только два шарика, хорошо?

– Там много! – возмутился он.

– Там всего пять, и три штуки оттуда мои.

Считать Берт еще не умел, но как-то понял, что ему при любом раскладе перепадает только два шарика. Он не умел долго унывать, а потому согласился:

– Ладно.

Эрик, наблюдавший эту сцену благодаря работе веб-камеры, рассмеялся.

– Правильно, сынок. Мама у нас очень твердая женщина, с ней спорить бесполезно.

Пользуясь тем, что обрадованный Берт прилип на несколько секунд к монитору компьютера, Нора ушла на кухню, чтобы вернуться через минутку с подносом, на котором покоилась маленькая фарфоровая чашка с супом и то самое блюдо с заветными сырными шариками.

Первые дни в доме Эрика были для нее однообразными и бледными, похожими один на другой и не содержащими ничего интересного. Она расставила мебель, отмыла кухню и санузел, а в конце застелила постель и подключила ноутбук. Больше ничего ей и не требовалось. В этой пристройке она прожила большую часть тех лет, что была женой Эрика.

Через месяц после переезда – до свадьбы еще оставалось достаточно времени – она получила сообщение Марка. По роду работы она всегда оставалась онлайн, особенно в дневное время, а потому он старался отправлять ей письма на электронную почту – это было эффективнее и быстрее.

«Нора, ты должна меня выручить. С минуты на минуту придет Роза – первая жена Эрика, с которой он развелся пять лет назад – она привезет их сына Париса. Ты не должна впускать его в дом. Нельзя, чтобы пацан увидел Эрика».

Сообщение было коротким и содержательным. Столько

информации разом освоить было крайне трудно, и Нора даже перечитала письмо. В том, что Эрик уже бывал женат, она не нашла ничего удивительного – у этих кинозвезд вечно полный бардак с личной жизнью и прошлым. При таком раскладе наличие сына ее тоже не удивляло. Единственным и самым странным пунктом была просьба – не впускать мальчика домой. А зачем он тогда придет, если его нельзя привести домой? И чем она должна его отвлечь?

Глянув на часы, она быстро набросила рубашку и выбежала из дома. Нужно было проверить, что там такого с Эриком, что ему нельзя видаться с сыном. И вообще, почему она должна иметь дело с его семьей, если он сам отсиживается дома?

Дверь была приоткрыта. Нора вошла в коридор без стука и сразу же остановилась. Тот, кто был ей нужен, лежал на полу прямо у ее ног. Судя по виду, он пребывал в самом что ни на есть паршивом состоянии. Цвет лица у Эрика был крайне непрезентабельным, да и одежда порядком испачкалась – местами промокла, а местами на нее налипла какая-то подозрительная субстанция больше похожая на блевотину. Когда Нора опустилась на колени рядом с ним, оказалось, что ее догадки были верными. Эрик был мертвецки пьян, да еще и явно чего-то накурился. Или наглотался.

Выбрав место почище и посуше, Нора толкнула его в плечо – хотя бы проверить, не умер ли он.

Эрик лежал на животе, и только одна половина лица была

обращена к ней. Зеленый глаз открылся, и на видимой половине нарисовалось нечто вроде полуулыбки.

– Привет, милая.

От последнего слова ее тоже немного затошнило. Вот с чем ей придется иметь дело ближайшую пару лет? Нора сделала глубокий вдох и попыталась перевернуть его на спину. Для этого ей пришлось приложить все усилия – расслабленный и порыхлевший Эрик был страшно тяжелым.

– Встать сможешь? – спросила она, впрочем, не особо рассчитывая на ответ. – Ты заблевал весь пол, так что тебе все равно придется убратся отсюда.

– Что? – приподняв голову, невинно уточнил он.

Ей вдруг страшно захотелось дать ему кулаком прямо в лоб или попрыгать у него на животе. Выглядел бывший секс-символ, мягко говоря, отвратительно.

– Ничего, – сквозь зубы процедила она. – Поднимайся и топай в ванную, надо тебя отмыть. Ты воняешь как общественный туалет.

– Милая, – Эрик потянулся к ней, но она немедленно отскочила вверх и в сторону, отходя на безопасное расстояние. – Ты красивая.

Да уж, комплименты от торчка и пьяницы были нужны ей меньше всего.

– Спасибо, – глядя на него с неприкрытым отвращением, сказала она. – Убери от меня свои руки и попытайся хотя бы сесть.

Говорить ему о том, что в скором времени должен приехать его единственный сын, смысла не было. Нора с трудом перетащила Эрика на чистое место, и при этом его тело процертило по полу дугу из рвотной жидкости. Уже на голом паркете, преодолевая тошноту и гадливость, она расстегнула на нем рубашку и спустила с него заляпанные джинсы, отметив про себя, что он хотя бы не описался – и на том спасибо. Первое знакомство с телом будущего супруга оказалось явно далеким от романтики. Грязную одежду она отнесла в ванную, на поиски которой пришлось потратить драгоценные пять минут, но зато оттуда она вернулась уже с ведром воды и мочалкой. И ей было совершенно наплевать, если это ведро использовалось для мытья пола – сейчас Эрик мог бы посоперничать даже с унитазом.

Она, как могла, отмыла его от грязи и прочих неприятных вещей, а потом переключилась на пол. Ползая на коленках и смывая с деревянного покрова скользкую жижу, Нора попутно прислушивалась к его дыханию. Остаться наедине с новеньким трупом ей вовсе не улыбалось.

Знал ли он о том, что утром должен был приехать Парис? Если знал, то почему так безобразно напился? Нора задавала себе эти вопросы, пока носилась вокруг него с ведрами, тряпками и мыльницами. Она не нашла дезинфицирующее средство для пола, и ей пришлось воспользоваться обычным стиральным порошком.

Ей страшно хотелось пнуть его или хотя бы сделать ему

что-нибудь плохое, и если бы она оставила его голым и беззащитным прямо на полу, то этого было бы вполне достаточно, но вместо этого она отыскиала тонкое одеяло и, перекатывая его с боку на бок, завернула в теплую ткань. Все-таки на дворе был конец ноября, и лежать вот так, в чем мать родила, да еще и на холодном полу было вредно даже очень пьяным людям. Она еще сомневалась, стоило ли положить ему под голову подушку, когда от парадных ворот раздался протяжный и очень громкий звонок. Не зная, как ответить из дома, она оставила этот бессознательный кокон лежать и выбежала во двор, на ходу оглядывая себя и выискивая следы чужих преступлений на своей одежде.

Ее встретила холеная женщина с обесцвеченной шевелюрой и укутанная в три средние зарплаты обычного человека. Она представилась Розой и забросила (почти буквально) щуплого парнишку лет двенадцати во двор. Все это время она презрительно морщила нос и разглядывала Нору через стекла своих пучеглазых солнечных очков, но так и не сподобилась спросить, кем является женщина, которой она всучила своего сына. Очевидно, сочла ее за новую прислугу – вид у Норы был примерно такой.

Ворота закрылись, и они с Парисом остались одни. Со всем одни, потому что спавший в коридоре своего особняка Эрик был точно не в счет.

Мальчик уставился на нее нечитаемым взглядом и засунул руки в карманы.

Нора понятия не имела, можно ли говорить с ним об Эрике и вообще, что сказать, если он спросит, куда делся его папочка. К ее облегчению мальчик не задавал никаких вопросов. Он послушно прошел за ней в ее пристройку и уселся на диване.

Его первые обращенные к ней слова сразу же вогнали ее в ступор.

– У тебя есть видеоигры? – глядя на нее отцовскими зелеными глазами, спросил он.

– Нет. У меня нет телевизора.

Он покосился на ноутбук и кивнул.

– А что вообще у тебя есть?

– У меня...

Говорить ребенку, что у нее почти ничего нет, было как-то неудобно. Все-таки она чувствовала перед этим пареньком вину – хотя бы за Эрика, который сейчас не чувствовал вообще ничего. Его мать испытывала слишком уж явную радость от мысли, что у нее высвободился целый день, а отец лежал почти без сознания. Нужно было сделать для него хоть что-то.

Долгая пауза сказала все вместо нее, и Парис только покачал головой, а потом вытащил из кармана мобильник и уткнулся в него.

Что с ним было делать? Она не могла оставить работу на целый день, поскольку от этого зависел ее скромный доход. Убедившись, что Парис не строит планов на побег, по-

иски отца или революционную кампанию, Нора поспешила к своему ноутбуку и надолго засела перед клавиатурой.

Она занималась любой работой. Верстала страницы, писала несложные программы, создавала анимации и строила трехмерные модели. Работа в интернете приносила необходимые деньги, но забирала почти все время.

Только часа через три Парис отложил телефон и стал оглядываться в поисках розетки – игрушка стремительно теряла заряд. Нора без слов указала ему на дальний угол комнаты. Он оказался неприветливым и немногословным – просто прошел куда надо, воткнул зарядное устройство и оставил погасший телефон прямо на полу. К этому времени она успела справиться с дневной нормой заданий, и потому смогла отодвинуть свой инструмент для зарабатывания денег хотя бы на ближайший час.

– Когда мама заберет тебя? – спросила она, повернувшись к нему.

Парис посмотрел на свое запястье, поджал губы, подсчитывая оставшееся время, а потом поднял лицо:

– Еще три часа.

Его не интересовало, почему Эрик не показывается на глаза и вообще, что с ним происходит. Исходя из этого, Нора сделала вывод, что такие уикенды у мальчика случались не раз. Но кто же занимался им в прошлые времена, когда ее здесь еще не было? Ей хотелось поговорить с ним, но она не решилась даже близко подойти к этой теме. Сliš-

ком уж нагло бы это выглядело.

– Я пойду, пожарю сырные шарики, – сообщила она, заглушая желание пуститься в расспросы.

– Это что – обед такой будет? – вяло поинтересовался он, даже не повернув к ней головы.

– Нет, это просто, чтобы перекусить перед обедом. На тебя тоже рассчитывать?

Он ухмыльнулся, на мгновение превращаясь в миниатюрную копию Эрика, несмотря на свои светлые волосы – будущий муж Норы отличался своими роскошными каштановыми кудрями. Позже выяснилось, что блондинистая шевелюра Париса была результатом трудов стилиста – совсем как у его мамы.

– Парочку, – неопределенно дернув плечом, согласился он.

– Хорошо.

Кухня действовала успокаивающе. Правда, тот факт, что Парис остался совсем один, немного ее тревожил, но, несмотря на это, ей было все-таки приятно побыть вдаль от него хотя бы немного. У Норы не было специального оборудования – даже обыкновенного миксера или дешевого блендера – поэтому она натирала сыр по старинке, и на готовку уходило много времени. И все же, когда по дому разнесся аромат поджаренных сырных шариков, Парис не удержался и заглянул к ней.

Он по-хозяйски прошел внутрь кухни и сел за стол.

– Ты часто готовишь еду? – неожиданно спросил он.

На этот вопрос отвечать было не стыдно.

– Всегда.

– Ты кухарка?

– Нет.

– И кто ты тогда?

Вот и добрались до самого главного.

– Я, наверное, скоро выйду замуж за твоего отца, – честно, но осторожно ответила она.

– Ты его любишь?

– Разве для этого обязательно любить?

Нельзя было говорить такое ребенку, но он, очевидно, уже и так был отравлен взрослой жизнью и этой проклятой откровенностью отношений. Один развод его родителей уже чего-то стоил.

– А и правда, – философски заметил он, поднимая одну ногу на стул и упираясь в нее подбородком. – Ты с ним спишь?

– Сколько тебе лет? – Она повернулась к нему.

– Двенадцать.

– Нет, я с ним не сплю.

– А если бы мне было восемнадцать, то ответила бы, что спишь?

Разговор становился все интереснее, и Нора радовалась тому, что с плитой было покончено. Она выложила все шарики на тарелку и под села к Парису за стол.

– Нет, все равно сказала бы, что не сплю. Я живу здесь, а он у себя.

– Как-то плохо верится. Но то, что ты живешь здесь, я уже понял, – сказал он и взял первый шарик.

В результате он съел чуть больше половины, хотя так и не признался, что еда ему понравилась. За это время он успел выяснить почти все, что ему было интересно. Сколько ей лет, чем она занимается, какие книги предпочитает читать и умеет ли играть в видеоигры, а также любит ли кататься на велосипеде и плавает ли где-нибудь помимо пропитанных хлоркой бассейнов. Наверное, ему понравились ответы. Во всяком случае, он разговорился и даже вынул очки из кармана, признавшись, что должен носить их постоянно. Тогда Нора удивилась, что его мама не заметила отсутствия очков, когда оставляла его, на что он ответил легко и просто:

– Мама и сама не всегда помнит об очках. Она же была против. Она не из тех, кто настаивает на брекетах или линзах – предпочитает, чтобы я сам все выбирал. На очках настоял окулист, и она даже разругалась с ним. Но мне все равно. Я же не надеваю их практически – только когда по дому хожу или играю без друзей.

Большоголовый, сутулый, худой и по-мальчишески угловатый, Парис преображался, стоило ему заговорить. За проведенное рядом время они не стали друзьями, но Нора поняла, что если ей скажут провести с ним еще один день, она уже не будет так отчаянно бояться.

Он ушел так же тихо, как и появился. За ним приехала машина, и Парис скрылся за воротами, даже не попрощавшись. Нора не удивилась и этому – он не поздоровался, когда увидел ее. Правила приличия были ему не нужны.

Когда все посторонние скрылись из виду, она немного постояла во дворе, а потом все-таки решила пройти в главный дом. Страх все-таки заполз к ней под кожу, поскольку оставалась небольшая вероятность, что она найдет окоченевший труп непутевого папаши. К счастью, завернутая в белое одеяло мумия уже исчезла с того места, где она ее оставила, и это могло означать только одно: Эрик очнулся и утопал оттуда на своих двоих. Этого было вполне достаточно, и она решила покинуть все еще дурно пахнувшие покои, но хриплый голос остановил ее.

– Как он?

Эрик сидел в кресле возле окна, все в том же одеяле, и смотрел во двор. Нора ответила, не сходя с места:

– Нормально.

– Я дерьмовый отец, знаю, можешь не говорить.

– И не собиралась, – приврав только самую малость, возразила она.

Хотя, лжи здесь было немало. На самом деле ей хотелось исколотить его тем, что попадет под руку, наорать на него, обозвать всеми самыми худшими словами и оставить переваривать все это в одиночестве.

– Рассказывай, – правильно угадав ее намерения, хохот-

нул он.

Смех был каркающим и неприятным. Он и сам себе опротивел – Нора поняла это по скорбному выражению лица и какой-то отрешенной злости, затаившейся в глазах. Почему-то именно это и смягчило ее.

– Да ладно, – разворачиваясь к двери, примирительно сказала она. – С кем не бывает.

С кем? Да почти ни с кем из тех, кого она знала в прошлой жизни, такого не бывало. И с ней тоже такое не могло произойти в принципе.

– Из тебя такой же утешитель, как из меня отец, – заметил он.

– Я переживу это, – съязвила она.

– Не сомневаюсь. Ты вообще, мне кажется, очень живучая. В смысле, ну кто же еще сможет меня выдержать? Мне бы благодарить тебя за то, что ты отмыла мою задницу и не оставила помирать, а мне отчего-то хочется нагадить как-нибудь еще. Выживешь с таким человеком?

Понятное дело, все это желание «нагадить» пробуждалось от досады на себя и беспомощности перед лицом прошлого – он не мог изменить того, что она увидела и того, что подумала. В ответ на это ему хотелось сделать что-то еще более ужасное и мерзкое. И то, что он честно признался ей в своих желаниях, почему-то действовало даже успокаивающе.

– Всего пару лет я как-нибудь перетерплю, – пообещала она.

Эрик повернулся к ней и посмотрел на нее усталыми глазами.

– Я должен сказать спасибо, и я говорю тебе спасибо. А теперь уходи, пока я не сделал чего-нибудь такого, о чем потом нам обоим будет стыдно вспоминать.

Дважды говорить не пришлось – она вылетела за дверь, не заботясь о том, что выглядит как испуганная маленькая девочка.

Берт и Эрик ворковали друг с другом, позабыв обо всем на свете. Нора сидела сбоку, и ей казалось, что она скрылась из объектива камеры, хотя Эрик мог видеть ее плечо и выставленный в сторону локоть. Этого было достаточно для того, чтобы он не чувствовал себя незащищенным перед лицом этого маленького тайфуна. Пусть она ничего не говорит и никак не вмешивается в их небольшой совместный обед (по правде говоря, для Эрика это был уже ужин) – главное, чтобы была рядом. Без нее он чувствовал себя так, словно у него отняли способность думать и связно говорить, особенно когда перед ним сидел счастливый и излучавший любовь Берт. Он знал, что не заслуживал такой любви, но не мог отказать от нее. Когда-то Нора сказала, что ему не обязательно пытаться заслужить любовь сына – он должен постараться отвечать ему в полной мере. И он старался, цепляясь взглядом за сверкавший на краю экрана локоть своей бывшей жены и делая вид, что откусывает кусочки сырных шариков,

которыми его так добросовестно потчевал младший сын.

Ты тоже все еще любишь меня

Погода была чудесной, и они лежали всей семьей прямо на крыльце. Соседи их не интересовали – если им хотелось поваляться на свежем воздухе, то они не утруждали себя поисками шезлонгов, а просто вытаскивали матрасы, раскладывали их возле двери и устраивались поудобнее. Берт от таких идей приходил в полный восторг. Сейчас он лежал на спине, его глаза были закрыты, и он рассеяно гладил свой животик пухлой ладошкой – наверное, усыплял сам себя после обеда. Нора наблюдала за ним, лежа на боку и подпирая голову рукой. Эрик смотрел на нее с другой стороны – Берт любил лежать посерединке.

Тур с премьерными показами вымотал его окончательно, но оставалась еще парочка выступлений на телевидении и еще с десятков разных интервью – «остаточный след», как называл все это дело Марк. Перед этим Эрику была позволена небольшая передышка, и он использовал эти три дня для того чтобы побыть рядом с Норой и Бертом.

Через некоторое время малыш засопел, а Нора успокоилась и легла на спину. Эрик знал, что она привыкла спать без подушки. Конечно, если все осталось так же, как и в те времена, когда он мог спокойно войти в ее спальню.

Иногда, вспоминая о тех днях, он воровал ее вещи. Ничего хорошего, в этом, конечно не было, и она все равно быст-

ро вычисляла все эти кражи, но Эрику почему-то совершенно не было стыдно. Впрочем, сегодня он не хотел думать ни о каких кражах – впереди было еще достаточно времени, и он мог провести его в этом доме, заняв одну из гостевых спален. Это было просто и приятно.

– Ты ведь помнишь о своем обещании? – пользуясь тем, что сын уже спал, спросил Эрик.

– Конечно.

– Этот фильм последний. Больше я не принимаю ничьих предложений и не читаю сценариев. Ухожу.

Она не пошевелилась, но неподвижность сказала даже больше, чем могли сообщить любые движения.

– Ты точно решил?

– Да. Все это выматывает. Я ведь неделю назад был вынужден выпить кое-что. Без этого просто невозможно выдержать тур, понимаешь? Перелеты, вспышки, крики, вопросы – все это отнимает слишком много сил. Одними энергетиками редко можно обойтись. Мне пришлось пить колеса.

Нора оттолкнулась на локтях и уселась. Эрик последовал за ней.

– Отнеси его в кроватку, пожалуйста, – попросила она.

Видимо, предстоял более серьезный разговор из разряда тех, что не должны звучать на открытом воздухе. Эрик сгреб в охапку своего крепко спавшего сына и занес его в дом. Матрасы остались лежать на крыльце.

Устроив Берта в кроватке, он спустился на кухню, где его

уже поджидала Нора. По ее виду, как обычно, ничего нельзя было понять или прочесть. Она была до раздражающего спокойной и уравновешенной, хотя он знал, что внутри у нее бушует настоящий ураган или даже торнадо.

– Тебе нужно полежать под капельницей или очистить кишечник? – спросила она, не поворачиваясь к нему и глядя на закипавший электрочайник. – Ты кому-то говорил?

– Нет, даже Марк не знает. То есть он, конечно, знает, поскольку это обычное дело во время промо-кампании, просто я ему не говорил. Тем более, пить пришлось совсем немного. Этого точно не хватит, чтобы подсесть, только чтобы протянуть до выходных.

Она покачала головой. Идеально прямая спина и прижатые локти кричали о том, что ей либо было очень страшно, либо она так же сильно волновалась. Скорее всего, верным было и то и другое.

– У меня здесь есть знакомые, и я могу купить все, что нужно в аптеке, даже рецепт не понадобится, – предложила она. – Если ты плохо себя чувствуешь, я договорюсь с фармацевтом, и он даст необходимые растворы. Нужно сдать анализы, проверить кровь.

На ней был тонкий свитер, который сползал с одного плеча, и мысли Эрика были заняты отнюдь не капельницами и медикаментами.

– Нет, всего две таблетки. Это не страшно.

– Тебе уже не тридцать пять, твой организм изношен ал-

коголем и прочей дрянью, ты же сам знаешь. Где одному человеку нужно десять таблеток, тебе хватит и парочки.

– Нора, Нора, Нора, – разглядывая ее со спины и мысленно дорисовывая контуры знакомого тела под одеждой, протянул он. – Моя заботливая и пугливая жена. Все со мной в порядке. Я сказал тебе, потому что ты должна знать, вот и все. Ничего страшного со мной не случилось.

Она, наконец, повернулась к нему. У нее и без того почти всегда было бледное лицо, но теперь она даже немного позеленела. И она не стала поправлять его, когда он назвал ее женой. Бывали времена, когда она снимала некоторые запреты и прекращала притворяться, будто ей все равно.

– Сколько еще осталось? – опуская глаза, поинтересовалась она. – Я хочу узнать, сколько тебе еще работать.

– Отдохну у вас, а потом еще неделю. Это завершающий этап.

– Хорошо. А потом на покой?

– Потом к тебе. Я покину то общество, и ты перестанешь бояться, что я затаю тебя неизвестно куда. Как ты тогда сказала? «Клеймо на роже»? Так вот, я попытаюсь избавиться от клейма. Если получится, мы проживем вместе.

Она улыбнулась:

– Обязательно получится. В прошлой жизни, когда я носила такое же клеймо, мне казалось, что от него невозможно избавиться. Однако же, все получилось, правда, не без труда. С тех пор я верю, что нет ничего невозможного.

– Но ты не захотела остаться и переждать это время со мной. Если честно, я до сих пор не понимаю, почему. И если бы ты не рассказала мне тогда о припадках того человека, то я бы, наверное, тоже стал бы тебя удерживать. – Нора бросила на него растерянный взгляд, и он поправился: – Я просто стараюсь быть с тобой честным. Мне хотелось как-нибудь удержать тебя, понимаешь? Хотелось закатить истерику или симитировать самоубийство, только бы ты осталась. Но я помнил, что ты говорила о своем прошлом и держался.

– Спасибо, – прошептала она.

– Да вообще-то не за что.

– Нет, я знаю, о чем говорю.

Эрик засмеялся.

Она просила его обуздать свои желания. В разное время бурной жизни его просили об этом многие люди, включая родителей и младшую сестру. Однако подействовали только слова жены по контракту.

Он не привык в чем-то себе отказывать. Конечно, он мог работать как вол, рвать мышцы и связки на съемках, не спать по несколько суток подряд и есть всего раз в день. Все это было в его жизни не раз и даже не десять – за спиной Эрик оставил тридцать семь разных съемочных площадок. Это напряжение выдерживалось и переваривалось лишь потому, что в остальное время он позволял себе все, что только можно. Ему хотелось пить, и он познакомился с алкоголем уже

в двенадцать. Курить начал и того раньше. На его смазливой мордашке это никак не отразилось, и он продолжал работать в кино, попутно осваивая новые способы развлечений. Сюда же влился кокс, а после него жизнь покатила на колесах, потому что кокс было сложнее прятать. Другим это удавалось легко, но вот у него почему-то все было не так, как у прочих людей. И так, прожив полжизни в беспробудном угаре исполнения желаний, он уже перестал понимать, что к чему. А когда ему впервые открыли на это глаза, он просто не поверил.

– Ты пропащий человек! – кричала Агата, бросая об стену дешевые тарелки.

Она всегда била только дешевую посуду, что заставляло Эрика сомневаться в подлинности ее гнева.

– Если все пропащие зарабатывают столько же, сколько и я, тогда быть пропащим хорошо, – отшучивался он, сидя у стены и зная точно, что в него не полетит даже маленькое блюдце. Этот факт тоже наводил на подозрения и обесценивал все концерты сестры. – А если все нормальные получают такую же зарплату, как и ты, тогда я даже не хочу думать о том, чтобы когда-нибудь стать нормальным.

– А для чего ты работаешь? – ошетибилась она. – Нет, правда, для чего? Все твои деньги спускаются на твой же кайф. Никакой пользы. Ни-ка-кой. Ты тупеешь, потому что целыми днями повторяешь одни и те же фразы как попугай, а когда у тебя появляется свободное время, тут же ныряешь

в это дерьмо!

Она любила слово «дерьмо» до того, как у нее родилась первая дочь.

– И что плохого? – честно не понимал он.

Так было всегда. Еще с тех пор, как Агата стала достаточно взрослой, чтобы понимать все прелести жизни старшего брата, она начала грызть его, стараясь вернуть на правильную дорогу. Эрик убегал от нее окольными путями, потому что не мог послать куда подальше. Все-таки, он помнил те времена, когда ему приходилось таскать ее на руках по всему дому. Это были чудные годы, и он гордился тем, что она любила его больше, чем бабушку или тетусhek. С матерью ему соперничать уже не приходилось, но второе место в сердце крошки Агаты было отведено только ему.

Потом были увещевания Марка, которому не нравилось, что Эрик начал губить десятки дублей и тратить пленку без цели. Длинные нотации занудного менеджера приводили его в бешенство, но не более.

Последней в дело почему-то включилась мать Эрика. Она до последнего делала вид, что с ее сыном ничего не происходит, но когда уваливать стало некуда, тоже бросилась на баррикады. По правде говоря, от ее рыданий было мало толку. Конечно, они-то и приводили его в уютненькие кабинетики психотерапевтов или в палаты с белыми стенами, на которых можно было рисовать и писать черными маркерами, только пользы от таких лечений не было никакой. Вот уж точно ни-

ка-кой.

И только когда ультиматум поставила Нора, он понял, что уже не хочет бегать и защищаться. Она не угрожала, она просто ушла, но дала крошечную надежду. По каким-то причинам надежда стимулировала куда круче, чем шантаж и угрозы. Нора не лгала и не притворялась – она сразу же сказала, что все равно ушла бы от него, поскольку изначально не планировала задерживаться в роли его жены больше чем на два года. А еще она оставила надежду на то, что могла бы вернуться, стоило ему только захотеть, и чтобы это его последнее хотение задушило все предыдущие.

За время их брака он постепенно учился понимать, что значит стыд. Она не стыдила его, нет, просто в ее присутствии это новое чувство появилось само собой. Разумеется, впервые он испытал угрызения совести в тот день, когда она без слов отмыла и укутала его, а затем целый день развлекала его сына. Сотни других людей делали для него то же самое – домработницы, нянечки, горничные и экономки. Пару раз такие задачи выполнял даже сам Марк. Эрику было наплевать на все – он платил им деньги или просто извинялся, но его совершенно не волновало то, что они о нем думали. Мнение Норы, по каким-то причинам стало его беспокоить.

Наверное, именно по этой причине он не мог оставить ее в покое – ему хотелось как-нибудь ее расшевелить, разговорить и выяснить, что за мысли водятся в ее голове. Стоило отдать ей должное – она очень умело и прочно держала

оборону. Ей удавалось избегать лишнего внимания вплоть до самого Нового года, и только в праздничную ночь в стене отчуждения образовалась маленькая брешь.

Эрик ехал с большой вечеринки. До двенадцати оставалось всего полчаса, и он торопился. Наверное, сказалось то, что он здорово напился, ведь не мог же он покинуть рельсы от пары таблеток? Во всяком случае, он намеревался приехать домой и посмотреть, с кем проводит праздничный вечер его будущая жена. Вообще-то, он был почти уверен в том, что она одна, но ему было жутко интересно, что она вообще делает. По дороге он сообразил остановить машину у круглосуточного супермаркета, работавшего даже в такую примечательную ночь. На кассе оказалась только молоденькая девочка, которая, по всей видимости, очень сильно нуждалась в деньгах. Хотя, она тоже была не одна – рядом с ней коротали время еще какие-то люди примерно ее возраста. Так что в супермаркете было довольнолюдно и даже шумно.

Не вполне осознавая собственные действия, Эрик прошлепал к ближайшим полкам, схватил то, что попало под руку, и отправился с этим добром к кассе. Там ему все уложили, подсчитали и отпустили с полными пакетами к машине. Он и сам точно не знал, что именно везет своей невесте, но был уверен в том, что заявиться в гости с пустыми руками было бы верхом неприличия. Даже если эти самые «гости» находились в его собственной пристройке.

Водитель оставил его у ворот. Эрик завернул на боковую дорожку, даже не глянув на сам дом – у него была цель, и в данный момент он еще помнил, где именно ее следует искать. Ему показалось, что стучал он достаточно тихо, но Нора открыла с первого раза. Она была в светло-зеленом халате на голое тело – явно из душа. Он остановился в дверях и уставился на нее пьяными глазами, которые все еще были способны различать очертания женского тела, скрытого под тонкой хлопковой тканью.

– Что? – недовольно оглядывая его с ног до головы, спросила она, и тон у нее был не самый вежливый.

Эрик улыбнулся – как ему показалось, лучезарно – и наклонился вперед, шурша пакетами.

– С Новым годом, любимая, – выдохнул он и схватился за дверной косяк, отчего один пакет грохнулся на пол, звякнув при этом чем-то стеклянным. Наверное, он купил какое-то вино.

Она отошла в дом, глядя на него так, словно он забыл снять накладные клыки или был массовщиком со съемок очередного зомби-апокалипсиса. Дождавшись, пока он ввалился внутрь, она подобрала пакет и закрыла дверь.

– Спасибо, – наконец, ответила она. – Но тебе не нужно было возвращаться.

– Ты знаешь, что я уезжал? – удивился он.

Нора неопределенно качнула головой и прошла на кухню. Он потащился следом.

С тех пор, как он был здесь в первый и последний раз, в доме многое изменилось. Исчезла пустота и вообще почти не осталось свободных мест. Не то чтобы комнаты были сильно захламленными, но почти на каждой поверхности что-то лежало. На подоконниках выстроились горшочки с цветами (при ближайшем рассмотрении оказалось, что в роли горшочков выступали одноразовые контейнеры из-под маргарина), на письменном столе покоилась стопка бумаг (вполне себе на своем месте), а на кухне появилась дешевая посуда и кое-какая неизвестная утварь.

Он плюхнулся на стул и положил локти на стол. Нора подошла к нему со спины, и ее ладони скользнули по воротнику припорошенной снегом куртки. Она помогла ему освободиться от верхней одежды, а потом отошла и принялась разбирать пакеты.

Это было... интересно. Он давно не видел, как суетится по хозяйству обычная женщина, у которой нет маникюра или приклеенных ресниц. Ему вообще все здесь казалось в диковинку.

– Это все на праздник? – повернувшись к нему, уточнила она.

Он только кивнул. А что еще нужно было сказать?

– Не стоило, – вздохнула она.

Ему было не особо видно, что там покоилось на разделочном столе, но она выбрала из этой кучи только одну банку, бутылку (там их оказалось целых три, и как позже стало ясно,

ни одна из них не была наполнена шампанским) и еще что-то, похожее на хлеб. Потом будущая супруга скрылась за маленькой дверцей такого же холодильника, и Эрик на секунду потерял возможность наблюдать за ней. Ему это не очень понравилось, и он перевалился на другую сторону, вытянул шею и стал смотреть на то, как ложатся складки халата, когда она наклоняется к нижним полкам. Нора об этих вероломных перемещениях ничего не знала, и это было даже лучше. Даже своим пьяным мозгом Эрик понимал, что ей такое поведение точно не могло бы понравиться. Впрочем, вполне возможно, она что-то заметила – когда она повернулась к нему, Эрик не смог достаточно быстро прийти в прежнее положение, хотя и приложил для этого все силы. Глядя на то, как он восстанавливает равновесие, Нора даже улыбнулась.

– А того, что я принес, не хватит? – чтобы скрасить неловкость, спросил он.

– Здесь даже больше, – вздохнула она. – Но если мы начнем есть все это прямо сейчас, то завтра пропишемся в туалете, а мне такое совсем не нужно.

– Мне тоже, – миролюбиво отозвался он.

– Ну, вот. У меня здесь ореховое масло, а ты купил очень хороший джем. Обойдемся бутербродами?

– Нет, – твердо (насколько это было возможно) отрезал он. – Мы же собираемся пить, не так ли?

– Так ли, – явно забавляясь, согласилась она.

– Ну, кто пьет шампанское и закусывает бутербродами? –

возмутился Эрик, сморщивая переносицу.

– Здесь просто красное вино, так что мы не загубим его вкус, уверяю.

Он поднял на нее глаза и на некоторое время замер, всматриваясь в ее лицо. Марк сказал, что она красивая? А ведь действительно...

– Чего смотришь? – Очевидно, ее такие сеансы пьяного гипноза уже начали раздражать.

– Тебя будет не стыдно показать людям. – И почему его понесло городить всякую чушь? – Только одеть в красное, губы подвести. Ресницы. Все дела, короче. Все просто слюной на дорогу капать будут. И никто не поверит, что тебе уже тридцать.

Она улыбалась, но теперь ее улыбка почему-то уже не была такой доброй. И вообще она перестала ему нравиться. Нора опять издевалась, не говоря при этом ни слова. Как ей это удавалось? Выражение ее лица менялось почти незаметно, а он уже чувствовал себя оплеванным.

– Нет, правда, ты красивая, – зачем-то продолжил он. Ему так хотелось остановиться, но рот отказывался закрываться, а Эрик не мог отдать ему прямую команду, потому что мозг тоже пребывал в расстроенном состоянии. – У нас будет контракт? Там будет пункт насчет секса?

Нора со стуком поставила перед ним бутылку и заняла место напротив, сообразив, что в стоячем положении привлекает слишком много внимания. Хотя, было уже слишком

поздно – Эрик проследил за ней и продолжил глядеть на нее уже через столешницу.

– Да, пункт насчет секса обязательно будет, – холодно ответила она. – Я попросила Марка, чтобы он его включил.

– И? – почти с надеждой протянул он.

– Что «и»? Я с удовольствием закрою глаза на все твои похождения.

– А с тобой?

– А со мной ничего не будет.

– Как это?

Она отвернулась.

– Сейчас объяснять бесполезно. Ты и сам не захочешь.

– Захочу. Я уже хочу.

Нора засмеялась, закрыла лицо руками, а потом тяжело вздохнула и отняла ладони от лица.

– Ты вроде пьян, и тебе все равно с кем, когда и где. Зря ты уехал со своей вечеринки. Там наверняка у тебя был бы шанс.

Эрик привалился к стене и запрокинул голову, ощутимо стукнувшись при этом макушкой.

– Я приехал к тебе, потому что... трезвым не смогу. А мне так хотелось... поговорить. Ну, ты же меня тогда собрала на полу... когда Парис приехал. И не упрекнула. Я же все чувствовал... все знал. Когда ты меня в одеяло... когда мыла тряпкой. Ждал, что ты приложишь меня со всей силы. Может, даже ногой. Или хотя бы плюнешь. А что? Могла бы,

я ж без сознания был. Ну, ты думала, что я был. А я все знал. И ждал. Даже мать иногда щипала, когда вот так же находила. Сестра уж и подавно. И почему я все помню? Не забываю, как все нормальные люди.

– А мне и хотелось тебя пнуть, – призналась она. – Очень хотелось.

– Я знаю. И кому бы не хотелось? Но ты не стала бить и пинать.

– Потому что ты уже и так вытошнился. Тебе уже было плохо. Сам себя наказал. Жаль, что не впрок.

– В общем, – пропустив мимо ушей ее последнюю фразу, продолжил он – я решил, что надо бы поговорить. Поблагодарить что ли?

– Ты уже благодарил.

– Нет, – он замотал головой – нет, по-нормальному. Понимаешь, я когда трезвый, от меня добрых слов черта с два дождешься. Только пьяным могу как человек.

– Ну, тогда говори как человек, – предложила она, поднимаясь и снимая со стола бутылку.

Она вынула из ящика штопор и направилась к двери. Эрик непонимающе воззрился ей вслед:

– Сам с собой что ли?

Нора покачала головой, и ее мокрые волосы заколыхались вдоль спины. Это тоже было довольно красиво.

– Нет, идем со мной.

Он послушно поплелся за ней, и в результате они улеглись

прямо на ковре в так называемой гостиной. Нора оставила открытую бутылку возле себя, сказав, что ему пить уже вредно, поскольку он успел набраться еще задолго до полуночи. Эрик был не очень согласен, но промолчал, решив, что всегда успеет отобрать у нее бутылку, когда она потеряет бдительность. Тогда он еще не знал, что Нора никогда ее не теряет. Она всегда оставалась начеку.

Некоторое время они лежали молча. За окном вовсю трещали и раскатывались фейерверки, и если бы в комнате были часы, то они наверняка пробили бы полночь. Впрочем, Эрику было все равно. Она лежала рядом, и Эрик по каким-то непонятным причинам был уверен, что Нора не возражает против его компании. Ей, наверное, очень не хотелось оставаться одной. И дело было не только в празднике.

– Скажи, там, в пакетах, правда не оказалось сыра? – уже немного протрезвев, спросил он. – С вином он годится лучше, чем маслом с джемом.

Нора повернулась к нему. У нее был рассеянный взгляд, словно он отвлек ее от каких-то своих мыслей, и она не успела вникнуть в суть вопроса. Несмотря на это, она ответила:

– Сыр там был, но только плавленый. В баночке. Там сегодня одни баночки.

Он засмеялся и откинул голову назад, обнажая шершавый кадык.

– Столько жратвы, а я взял одни баночки. А что еще там было?

Нора пожала плечами:

– Оливковое масло, консервированная кукуруза, малиновый джем, виноградный сок. И еще что-то, не помню.

– Могу я влезть в твой холодильник? – спросил он. – Голодный очень чего-то, аж невмочь.

– Ну, если только совсем невмочь.

– Ага, умираю.

– Не умирай, холодильник к твоим услугам. Правда, я не знаю, найдешь ли ты там что-то интересное.

Она не стала наблюдать за ним и смотреть из-за плеча, когда он разбирал скудное содержимое ее холодильника. Это ему тоже понравилось. Правда, еда тут была явно не на живых людей. Повздыхав над этой бедой и худо-бедно присовокупив к награбленному еще пару каких-то банок из своих запасов, он вернулся к ней в гостиную. Нора все еще лежала на ковре, только теперь она повернулась набок. Увидев его, она приподнялась на локте и с любопытством уставилась снизу.

– Я взял какой-то хлеб или что это... сыр и еще вот, – он показал ей то, что позже оказалось накрытыми фольгой и разложенными в тарелке кусочками жареной курицы. – А больше ничего у тебя там нет.

– Обычно не так плохо, – улыбнулась она. – Просто сегодня доставка с курьером не работает.

– Доставка? – не понял он. – А ты сама что, не ходишь в магазин? Вообще, расскажи мне, как ты живешь?

Ему действительно было интересно, как коротает будни женщина, обосновавшаяся в его доме. Или, по крайней мере, в его собственности.

Нора уселась, сразу же запахла полы халата и спрятала свои ноги.

– Я никуда не выхожу. Работаю, деньги получаю через интернет, и покупки тоже делаю так же. Заказываю в магазине, а приносят курьеры к задней двери. Мне вообще-то много и не нужно.

Это было очень просто, очень быстро и очень нелепо. Эрик поморгал, а потом все-таки сел рядом с ней и опустил рядом всю еду.

– Ты что и дальше будешь так жить? Надо же куда-то выходить хотя бы иногда.

– Нет, мне и так хорошо.

– У тебя что ли эта... агорафобия?

Ее смех был заразительным и искристым – такой ему приходилось слышать всего несколько раз в жизни.

– Нет, помнишь, мы ходили фотографироваться с Марком? У меня нет никакой фобии. Просто я не хочу никуда ходить.

– Но почему? – принимаясь за фольгу, удивился он. Фольга не хотела отлипнуть от краев тарелки, и ему пришлось ее разорвать почти пополам.

– Не хочу, – повторила она.

– И что ты все два года вот так будешь сидеть взаперти?

– Да.

– Так нельзя, – покачал головой он. – Надо завести подруг и начать шастать по магазинам. Делать то, что делают все женщины.

– И кто это сказал? Нет, правда, кто?

– Я сказал.

– А мне все равно, что ты сказал, – со сбивающей с ног простотой заявила она. – Я вовсе не горю желанием, чтобы на меня пялились на всех углах только потому, что я вышла замуж за человека, который пятнадцать лет назад успел охмурить полмира своей красивой... своим лицом.

Эрик даже зажмурился. По его мнению логики ее словам очень не хватало, и он решил восполнить этот пробел своими еще не вполне трезвыми доводами – ошибочные намерения, заведомо обреченные на осмеяние.

– У моей славы уже вышел срок годности, – начал он. – Так что никто на тебя пялиться не будет.

– А фотографии вы делали зачем? – приподняв брови, осведомилась она. – Затем, чтобы никто не узнал о том, что у тебя намечается переворот в личной жизни? Кажется, у Марка на наш счет большие планы. Я сама согласилась, так что жаловаться не стану, но все остальное время буду проводить так, как мне хочется.

Он кивнул, хотя ему было что сказать. Просто теперь чрезмерная разговорчивость уступила место заторможенности, и этот процесс запустился тоже весьма некстати. Когда

нужно было молчать, он нес всякую чушь, а теперь настало время выложить все разумные аргументы и вправить ей мозги, но его словарный запас неожиданно иссяк. Эрик решил, что вполне может отложить продолжение разговора на более поздний срок, когда его голова уже очистится от спиртных испарений.

– Ну, ладно, черт с этим, – временно сдался он. – А почему ты вообще согласилась? Нет, не то чтобы я против, я сейчас даже рад этому, но зачем тебе-то это было нужно?

Нора замерла всего на мгновение, а потом повернулась к нему и выстрелила скороговоркой, глядя прямо в его недоумевающие глаза.

– Там, где я остановилась, было просто невозможно жить, и я решила, что уж лучше воевать с одним мужиком, чем сразу с пятерыми.

Невзирая на то, что она явно рассчитывала на скорость речи и его пьяное соображение, Эрик все-таки понял большую часть слов.

– Нора, – он наклонился к ней – скажи мне, они тебе что-то сделали? Тебя... – следующие слова оцарапали ему гортань, и он предпочел не продолжать.

Она смотрела на него кристально чистыми глазами и даже не моргала.

– Нет, но могли бы. Так что пойми меня правильно – мне не нужны твои деньги или что-то еще, и я не самовозгораюсь от мысли о твоей славе. Нет. Мне просто нужно место, где я

смогу спать и работать без риска, что кто-то проломит дверь. Марк пообещал мне все это. Он сказал, что я смогу жить с тобой в одном доме, и тебе не будет до меня дела. Всего пару лет – этого хватило бы, чтобы накопить на нормальное жилье, я могла бы снять квартиру. Заработала бы, сэкономив за счет бесплатного проживания в твоём доме. Уладила бы проблемы с регистрацией. Вот, о чем я подумала, когда он подошел и заговорил со мной.

– А ты не думала, что он мог обмануть тебя? Знаешь... прикинуться менеджером актера, а на самом деле оказаться дешевым сутенером?

Нора кивнула:

– Такое тоже могло бы быть, но ведь я же не того возраста. Я бы не пользовалась спросом – девочки за тридцать мало кому нужны. Он показал мне портфолио с твоими фотографиями.

Она совершенно ничего не понимала в людях и в том, как устроен мир. Эрику даже стало жаль ее.

– Ты неправа, – подвинувшись к ней ближе, сказал он. – Девочки, которым за тридцать работают, поверь. Главное, чтобы были чистые и красивые. А ты и то и другое.

– Спасибо. – Ее благодарность была вялой и от того сомнительной. – Ты сейчас говоришь мне, что из меня получилась бы хорошая проститутка?

– Я говорю, что ты могла попасться кому угодно.

Не ответив на его слова, Нора потянулась за бутылкой, вы-

тащила пробку и сделала большой глоток прямо из горлышка. Что-то в этом движении подсказало Эрику, что он лишь озвучил ее настоящие страхи, которыми она сама терзалась до того, как попасть в этот дом.

– Ты и сама боялась, верно? – склонив голову набок и доставая первый кусочек курицы, спросил он.

Нора пожала плечами, а потом еще раз приложилась к бутылке. Ему нравилось то, что она пила, не стесняясь и не заморачиваясь бокалами, стаканами или вообще какими бы то ни было формальностями. Разумеется, такая женщина умела подавать напитки и сервировать стол, сомневаться в этом не приходилось – слишком уж грамотно она говорила, слишком спокойно и уверенно себя держала для того чтобы оказаться простушкой. Однако со всей своей бросавшейся в глаза, даже раздражавшей интеллигентностью, Нора умела определять момент, и сейчас как раз было время, когда следовало позабыть о приличиях. Во всяком случае, он пришел к ней уж точно не за строгими разговорами и чинной трапезой.

– Когда едешь в другую страну, не имея при себе ни денег, профессии или связей, тебе приходится полагаться на волю случая, – сделав еще один глоток, сказала она, а затем вытерла губы внутренней стороной запястья.

Про себя Эрик решил, что настанет время, и он обязательно узнает, почему она сорвалась с места и сменила страну, уже не будучи при этом легкомысленной девочкой. Да и во-

обще, глядя на нее, невозможно было представить, что она вообще была такой вот девчонкой хоть когда-то.

– Ты давно здесь? – спросил он, внимательно отслеживая каждое ее движение.

Нора опустила ресницы, и ему даже казалось, будто она решила заснуть. Но на самом деле она просто раздумывала, стоит ли вдаваться в такие подробности.

– Нет, всего полгода, – решив, что скрывать все равно нечего, ответила она. – Первые месяцы жила как придется.

– И ты не смогла найти мужчину, с которым можно было бы остановиться? Я не говорю о независимой жизни. Если у тебя не было денег, то снять квартиру сама ты бы вряд ли смогла, но вот найти кого-то посамостоятельнее тебе бы не помешало. Было бы проще. Конечно, пришлось бы время от времени делать то, чего ты делать не хочешь, но кто сказал, что жить просто? Всем приходится в чем-то себя переламывать.

– А я и нашла. Тебя.

Ему было приятно это слышать, хотя он и не понимал, почему именно. Вроде, ничего хорошего она не сказала. Наверное, это было так приятно, потому, что было правдой. И все-таки Эрик решил свредничать – наверное, сказалось опьянение.

– Это не ты нашла, – внимательно глядя на то, как она снова вытирает губы после очередного глотка, сказал он. – Это Марк тебя нашел.

Она не стала спорить, словно ей было все равно. Она не любила спорить, и это на первых порах вообще сбивало с толку. Прождав некоторое время, но так ничего и не услышав, Эрик вновь улегся на спину. На этот раз его макушка притулилась к ее бедру, и он почувствовал, что она вздрогнула от неожиданного прикосновения.

– Знаешь, сегодня первый день, когда я действительно рад тому, что он привел тебя сюда, – признался он, не открывая глаз и ощущая, как внутри становится немного теплее.

Пока их маленький ураган спал в своей кроватке, они сидели на кухне и молчали об одном и том же. Им обоим было уютно и тепло, и Эрик наблюдал за каждым ее движением, понимая, что следующая разлука может затянуться надолго. После того, как он рассказал ей о колесах, Нора заметно погрустнела. Эрик знал, что она все еще беспокоится о нем, и ей неприятна та мысль, что работа заставляет его травиться разной синтетической дрянью. Можно было утаить от нее этот маленький факт, умолчать о небольшой дозе слабого наркотика, но он помнил, как однажды пообещал самому себе рассказывать ей все самое важное. Она считала важным его здоровье.

Он положил локти на стол и выпрямил торс, перенося вес немного вперед. Нора повернулась к нему. Она прекрасно помнила, что такая перемена положения говорила о его желании поговорить.

– Ты тоже все еще любишь меня, – с улыбкой сказал он. – Все еще любишь.

Она предпочла отмолчаться. Ему и не нужны были ответы – согласие, отказ, увиливание – не все ли равно? Главным было не то, что она могла сказать. Главным было то, что он увидел и почувствовал в ней.

Цепи и кольца

Эта странная фраза про «клеймо на роже» прозвучала в их брачную ночь, если ту ночь еще можно так назвать. Эрик тогда не очень хорошо понимал, что происходило – наверное, сказалась усталость после этого многочасового спектакля, в котором их обоих заставили принимать участие. Сейчас, когда Нора лежала на диване и листала толстенную книгу с репродукциями из Дрезденской галереи, он вновь испытывал непреодолимое желание спросить у нее, что она в действительности имела в виду. Если его мысли были верными, то она носила сразу два клейма. С одним он еще мог бы ей помочь, но что делать со вторым?

– Ты чувствуешь себя свободной? – бесцельно тыкая пальцем в дисплей смартфона и постаравшись придать голосу как можно больше беззаботности, спросил он.

Берт удивленно поднял голову и завертелся, глядя то на мать, то на отца. Он понимал, что сейчас разговор пойдет о непонятных и неприятных вещах. Как ему удавалось понимать это каждый раз, Эрик не знал, но факт оставался фактом – Берт всегда безошибочно определял момент и вел себя соответственно.

– Сейчас да, – не переставая шуршать листами, ответила она.

– Немного обидно осознавать, что тебе хорошо без меня, –

продолжил он, пролистывая список контактов и не находя там ничего полезного.

– Быть свободным еще не значит быть счастливым, – философски ответила она.

Ее голос был спокойным, и он не мог понять, говорила ли она о себе или просто пыталась отделаться общими фразами.

– Ну а ты? – нетерпеливо спросил он, досадуя, что в доме нет телевизора, в который можно было бы временно уткнуться взглядом.

– Что я? – сдвинув брови, переспросила она.

– Ты счастлива?

– Сейчас да.

Что означало это «да» Эрик тоже понимал довольно слабо. Она могла подразумевать что угодно – именно этот текущий момент, когда они все вместе так мило сидели в гостиной и занимались своими глупостями, либо настоящий момент жизни, когда она была разведена и свободна.

– Прекрати говорить загадками.

– А ты не задавай неудобных вопросов.

– А если мне интересно?

Она поднялась и отложила раскрытую книгу.

– Сейчас, именно сейчас, – уточнила она. – Все идеально, как просто не бывает или бывает очень редко. А потом ты уедешь, и все разрушится.

– Так ты будешь скучать?

Нора обняла диванную подушку, словно желая защититься-

ся от этого наглого напора. На следующее утро Эрик должен был уехать, и поэтому тянуть больше не мог. Несколько дней в этом доме пролетели быстро, а он так и не успел ничего у нее спросить. Что-то подсказывало ему, что Нора и сама лопалась от вопросов, но также как и он, не смогла выгадать свободную минутку для разговора.

– Да, буду. Но ведь ты потом вернешься еще?

– Разумеется, я ведь всегда к тебе возвращаюсь. Вопрос в том, на какой срок.

– Когда закончится эта астронавтская эпопея, ты сможешь приехать на сколько захочешь. Если это и вправду последняя работа.

Он приподнялся и переложил локти на колени.

– Милая, ты же знаешь, как на меня могут подействовать такие слова.

– Знаю, – она медленно кивала, но ее взгляд оставался отстраненным. – Конечно, я знаю это.

Марк заставил их выбирать свадебную одежду, поскольку считал, что все должно выглядеть естественно и красиво. Он был слишком плохо знаком с Норой, а потому не мог принять решение за нее, тем более что, не будучи актрисой или моделью, она не могла притвориться, что ей нравится одежда, которую ей всучили без предварительного согласования. В один прекрасный день Эрик зашел к ней «в гости», и застал в гостиную Марка – он сидел на диване и листал один

каталог из целой стопки такой же макулатуры, сложенной рядышком. Нора даже не предупредила его о том, что не одна, а потому поначалу Эрик даже опешил.

– Ты прошел сюда через задние ворота? – спросил он, остановившись в дверях и засунув руки в карманы. – Даже не предупредил, что придешь.

Марк даже не соизволил оторвать глаза от блестящих страниц.

– Я же не к тебе пришел, – логично и довольно холодно сказал он.

– Но ты пришел в мой дом, – возразил Эрик. – Это вообще-то невежливо.

– Когда тебя так волновала вежливость? – Марк, наконец, оторвался от разглядывания свадебных платьев. – Я забежал на пару минут, решил оставить ей тут кое-какую литературу. У вас двадцать седьмого свадьба, она должна хотя бы выбрать платье.

– Забежал и осел на диване.

Нора все это время стояла, не говоря ни слова и вообще не подавая признаков жизни.

– Прекращай скулить, – потребовал Марк. – Если тебе так хочется остаться с ней наедине, сам разглядывай все эти тряпки. Хотя, насколько я тебя знаю, ты в них не очень разбираешься, да и она, как выяснилось, тоже.

– Знаешь, старик, если тебя так волнуют наши тряпочки, тогда пришли того, кто в этом деле действительно понима-

ет. Я имею в виду, пришли того, кто зарабатывает на этом деньги.

Марк с треском захлопнул журнал.

– Хорошо. Договорюсь с Вимой, постараюсь прислать ее завтра.

С этими словами он оторвался от дивана и гордо проплыл мимо Эрика к выходу. Нора вышла, чтобы проводить незваного гостя, а Эрик остался дожидаться ее.

Когда она вернулась, он все еще стоял на том же месте.

– Что такого? – спросила она, сразу же переходя к сути волновавшего ее вопроса. – Я не собираюсь оправдываться перед тобой. Марк занес каталоги с одеждой, и пусть мне это тоже не очень нравится, но я понимаю, что без таких глупостей никак не обойтись.

Эрик покачал головой, дождался, когда она займет место на диване и лишь после этого прошел в комнату и уселся рядом с ней. Взял в руки верхний журнал, потом вспомнил, что именно этот экземпляр уже рассматривал Марк, отложил его в сторону и принялся за следующий. Модели в неестественных позах – с выгнутыми дугой спинами, оттянутыми назад плечами и до боли напряженными руками – демонстрировали белые свадебные платья. Те, что по идее должны олицетворять невинность невесты. Теперь эти одежды почему-то стали какими-то уж очень декольтированными, прозрачными и облегающими. Половину из них можно было бы выкрасить в другие цвета и загнать за обычные вечерние платья.

– Ты и не должна оправдываться, – уже понимая, насколько глупым было его поведение, вздохнул Эрик. – Ты никому ничего пока что не должна.

– И потом не буду должна. Я не стану тебя позорить или искать себе кого-то на стороне, и не буду следить за твоими связями. Обещаю стать самой беспроблемной и бесконфликтной женой, только не предъявляй мне требований.

– Требований? – Он задумался. – Да, да, я помню. Ты планируешь усесться дома и никуда не высовываться без лишней надобности. Да и вообще, если я и стану кого-то подозревать, так уж точно не Марка. Но почему-то мне все равно неприятно то, что я его тут увидел.

Нора закинула ногу на ногу, придавила верхнее колено своим локтем и поверх всего этого величия водрузила свой подбородок, уткнув его в ладонь.

– Ты зачем вообще пришел? – спросила она, прикрыв глаза и будто собираясь уснуть или погрузиться в глубины медитации.

– Я уже забыл.

Прозвучало это как ложь, но на самом деле он говорил правду.

– Кто такая Вима? – переключившись на другую линию, снова спросила она.

– Стилист. Она хорошая, с ней можно договориться. Не такая, чтоб нацепила что попало, а ты сиди и не дергайся. Ей можно сказать, что нравится, а что нет, и она постарается

сработать так, чтобы тебе было удобно.

– Странное имя, – заметила Нора.

– Сокращенное от Херувима.

Она открыла глаза:

– Это псевдоним?

– Нет, это родители хиппи.

Это едкое замечание неожиданным образом растопило лед, и Нора засмеялась – открыто и весело. Было ясно, что он просто отшутился, но сейчас это не имело большого значения.

Вима понравилась Норе. Она пришла уже вечером – как позже пояснил Марк, им очень повезло, что она оказалась свободной. Ее высокий рост, светло-серые глаза и коротко стриженные русые волосы внушали доверие своей основательностью и почти царственным спокойствием. Нора уважительно глядела на нее снизу вверх и внимательно слушала все, что ей говорил профессионал. У Вимы был низкий голос и приятная речь. В общем, Норе в ней нравилось почти все, кроме самого имени.

Для того чтобы решить вопрос с нарядом для свадьбы потребовалось несколько вечеров. Иногда из-за чрезмерной занятости Вима приходила только поздно ночью, примерно в первом часу, и Нора ждала ее, лежа на диване и слушая музыку. В такие моменты ей казалось, что Вима – ее старая подруга, с которой можно было поговорить обо всем на све-

те, и ее визиты стоили вот такого ожидания.

– Ты не спишь? – в последний вечер Вима позвонила в одиннадцать двадцать, когда Нора только вышла из душа.

– Не сплю. Приедешь?

– А я думала, все хорошие девочки уже спят в такое время.

Вима была уверена в том, что Нора относится к этим самым хорошим девочкам, хотя сама Нора не вполне понимала, что это за категория людей.

– Нет, хорошие девочки в лице меня не ложатся спать сразу после душа. Да и никто, наверное, не ложится.

– Ясно. Я сейчас заеду, предупреди своего ревнивого мужа.

Ходить к Эрику в дом Нора еще не привыкла, и ей тем более была неприятна перспектива заявиться к нему поздней ночью. Поэтому она попробовала отвертеться:

– Его, наверное, нет дома.

– Как интересно, – ясно давая понять, что ничего занимательного в этом не находит, медленно произнесла Вима. – Но ты все равно сходи к нему. В прошлый раз он немного нагрелся от моего присутствия, и я полагаю, причина не в том, что я действую на него возбуждающе.

– А я-то надеялась, – в тон ей ответила Нора.

Эрик не имел ничего против визитов Вимы, и поэтому, когда Нора постучалась в парадную дверь дома, он ждал чего угодно, только не предупреждения. И вообще, чего он мог

ожидать? Кто знает...

Когда она встала на пороге и выложила ему все, что имела сказать, он даже отшатнулся.

– Ты издеваешься? – обиделся он. – Да пусть приходит, когда хочет.

– Она решила, что ты ей не рад.

Нора вовсе не оправдывалась, хотя было похоже именно на это.

– Мало ли кому я рад. Это же для нашей свадьбы.

Звучало это так, словно он действительно ждал этого дня и дорожил каждой возможностью вспомнить о приближающемся событии.

– Ну, хорошо. Тогда я пойду.

Она уже спускалась по ступенькам к дорожке, когда он окликнул ее:

– И еще, Нора... я знаю, у тебя странный вкус, поэтому прошу – предупреди заранее, если соберешься надеть что-то из восьмидесятых, хорошо?

– Ну что ты, разве Вима позволит мне? – не оглядываясь, парировала она.

Вима долго смеялась, когда Нора, отвечая на ее любопытные вопросы, рассказала о том, как все прошло. Они сидели на полу в ее крохотной спальне, а вокруг них веерами лежали выдранные из журналов страницы с подходящими предметами одежды и аксессуарами.

– Белое платье гораздо лучше брючного костюма, но если

ты сама так хочешь...

– Да, мне не хочется устраивать маскарад.

– Уверена? Эрик вряд ли обрадуется.

– Ему все равно, во что я наряжусь.

– Да уж, судя по тем фоткам из кафе. Еще осенью, помнишь?

Они говорили так, словно знали друг друга уже очень давно – очевидно этот профессиональный дар Вима развивала годами активной работы с разными людьми.

– Ты видела те фотографии? – удивилась Нора.

– Пришлось погуглить, – непринужденно призналась Вима. – Когда мне сказали, с кем я буду иметь дело, я сразу же вбила твоё имя в поисковик. И знаешь, что он мне выдал?

Нора постаралась сохранить невозмутимое выражение лица, хотя вся кровь мигом отлила от щек, и сердце пропустило несколько ударов.

– Что? – Поскольку Вима ждала, когда она подбодрит её вопросом, Нора не заставила долго ждать. Ей самой не хотелось тянуть со всеми этими разговорами о гуглениях в глобальном хранилище информации.

– Ничего, – Вима звонко причмокнула губами. – Ни-че-го. Ты невидимка. Никаких страниц в социальных сетях, никаких статей в газетах, ничего конкретного. А между тем Марк утверждал, что ты работаешь в интернете.

– Я не пользуюсь там своим настоящим именем. Только в системе банковских расчетов и платежей, там, где уже нель-

зя иначе, как с реальными данными. Предпочитаю, чтобы никто ничего обо мне не знал.

– Скоро все всё узнают, а если ты не откроешь правду сама, то они придумают, и это будет даже хуже. Решать тебе, но я бы на твоём месте немного подсутилась. Завела бы страничку в Фейсбуке или хотя бы оформила страницу в Википедии. А то из всех сколько-то годных ссылок открылись только эти фотки с вашего утреннего кофепития. Кстати, достаточно электрические снимочки. Вы так близко сидите, да ты еще в его шмотье. Хорошие такие фотки, с нормальной химической реакцией.

– А что было из негодных ссылок? – не дожидаясь, пока ее смелость пойдет на спад, спросила Нора.

– Так ерунда. Твои тезки, и не более. Какие-то школьницы, фоткающие самих себя на вебку в эротических оттенках. Тошнотворное зрелище.

– Представляю, – вяло протянула Нора, а затем повторила: – Представляю.

Поскольку Вима обещала Марку сделать все в лучшем виде, он никак не ожидал, что Нора выйдет к машине в белом брючном костюме. Потом он думал, что Эрику было вообще наплевать, в чем отправится к алтарю его будущая жена. Или его просто все устраивало.

Пара подписей, поздравления и дальнейшая поездка через весь город до фотостудии оказались плевым дельцем,

и Нора уже начала успокаиваться, но, как оказалось, самое сложное было еще впереди. В машине она снова и снова перечитывала условия брачного контракта. По ее желанию в список требований не вносили никаких упоминаний о финансовых операциях. Здесь были собраны лишь пункты, гарантировавшие ей безопасность при бракоразводном процессе, хотя даже их она могла бы и не включать. Что-то подсказывало ей, что Эрик не станет цепляться за ее юбку, если она вздумает уйти от него раньше срока.

Они сидели на заднем сидении, а Марк устроился рядом с водителем, и на свадебную поездку это походило меньше всего. Лицо у него было хмурое, и взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Знаешь, Нора, – через некоторое время начал он таким тяжелым голосом, что даже Эрик заметно напрягся. – Я не думал, что с тобой будут такие большие проблемы. Вы еще не успели пожениться, а я уже о многом жалею. Ты ведешь себя как отшельница, да и вообще влияешь на Эрика очень странно. И еще этот чертов костюм. Я позвонил Соколу, попросил его подобрать что-то более праздничное. Когда приедем, ты должна будешь переодеться, и это не обсуждается. Понятно?

Был ли смысл бороться с этим человеком? Нора ухмыльнулась и отвернулась к окну. Она не была наивным ребенком и не думала, что он выполнит все обещания. Ей вообще повезло, что он действительно не оказался сутенером или еще

кем-то похуже. Его обещания насчет полной неприкосновенности и отсутствия фотографий позабылись уже несколько месяцев назад. Так чего стоили слова этого человека?

Эрик нарушил молчание, очень удивив ее своей решительностью:

– Пусть фотографируется в костюме, если хочет.

– Отвали, а? – сморщился Марк. – Не хватало еще с тобой препираться. Не ты ли называл ее монахиней?

Нора непонимающе моргнула, а потом повернулась к Эрику и с улыбкой спросила:

– Правда?

Он кивнул ей:

– Да, правда. Я и сейчас не отказываюсь от тех слов, потому что ты и есть монахиня. Только речь сейчас о другом, так что не отвлекайся, ладно?

– Я и не отвлекаюсь. Мне несложно переодеться. Если это так важно, то я надену платье или что там будет. Все равно все подписи уже проставлены, чего стесняться.

Он взял ее за руку и сжал пальцы:

– Эти фото, они не в альбом, Нора. Они для публики. Если ты не хочешь, чтобы публика видела тебя в определенном образе – голой, раскрепощенной, откровенной или еще какой-нибудь – то лучше откажемся прямо сейчас. Оставь это мне, и я обо всем позабочусь.

Марк покачал головой и вернулся к созерцанию дороги. Когда они уже подъезжали к салону, он перевел взгляд

на зеркало заднего вида и натянуто улыбнулся им.

– Эрик очень сильно вжился в роль, и я надеюсь, что у тебя такой профессиональной деформации не будет, – обращаясь к Норе, сказал он.

Эрик собирался открыть дверцу и выйти из машины, но, услышав эти последние слова, уселся обратно.

– Не лезь туда, куда не просят. Ты заварил всю эту кашу, так что будь добр не хнычь, – довольно резко начал он. – Хотя бы такую мелочь как одежду мы можем решить сами?

– Одежда для профессиональной фотосъемки с перспективой дальнейшей публикации – это не мелочь. Она должна выглядеть очень хорошо, чтобы все поняли, чем она смогла тебя привлечь.

– О, ну если все дело только в этом, то я покажу, чем она меня привлекла. – Эрик даже расслабился и засмеялся. – Актер здесь я, и язык тела – мой хлеб.

– Только не надо мне там гнать порно, ладно? Это свадебные снимки.

Эрик ничего не ответил – только вышел из машины, обошел ее и открыл дверцу для Норы.

Сокол оказался мужчиной лет пятидесяти, низкого роста с хорошенькими залысинами и пухлыми губками. Голубоглазый, краснолицый и хриплый. Не очень приятный.

Оглядев Нору с ног до головы, он почти сразу же хмыкнул: – У того фотографа руки росли явно не из верхней части туловища. Ее пропорции куда лучше, чем я мог предпола-

гать, судя по тем снимкам в кофейне.

Уже второй человек упоминал о тех фотографиях, и Нора стала понимать всю их важность. Стало быть, Марк ничего не делал просто так – каждое его решение несло определенный смысл, который был очевиден для него и непонятен всем остальным. Порой даже Эрик не знал, зачем нужно то или иное действие. Учитывая это, она стала склоняться к тому, чтобы переодеться, как он и говорил, но ее новоявленный супруг был с этим категорически не согласен.

Когда Нора тихонько сказала ему о том, что ей, возможно, стоит пройти в отдельную комнату, где Сокол собрал всю подготовленную одежду, Эрик ответил ей:

– У тебя это первая профессиональная съемка? Можешь не отвечать. У меня их было очень много. Послушай моего совета, детка. Если ты здесь впервые, и у тебя есть человек, который хочет защитить твои интересы, лучше держись за него, хорошо? И лучше надень то, в чем ты чувствуешь себя уверенно. Даже самое красивое и стильное шмотье повиснет на тебе тряпками, если ты будешь чувствовать себя в нем идиоткой. Марку нужны эмоции – они будут, и дело тут во все не в одежде. Зная Сокола, могу сказать, что он выбрал тебе нечто облегающее.

Таким образом, Эрик отвоевал ей белый костюм, который Нора сохранила как память о том интересном и утомительном дне. Она машинально выполняла все указания фотографа, обнимала за плечи своего мужа, смотрела ему в глаза

и даже сидела у него на коленях. Эрик делал свою работу по-своему – она поняла это почти сразу же, как только включились софиты и вокруг них засуетились ассистенты. Он был в привычном мире, но Нора не могла сказать, что он любил это место. Они стояли слишком близко, его нервозность ощущалась во всем, переползая к ней через прикосновения и скользившее по лицу и шее дыхание. Ей было неизвестно, с чем связана такая напряженность, но она точно не являлась результатом боязни фотокамеры. Его движения были уверенными, точными и сноровистыми. Иногда он предвосхищал просьбы Сокола и делал то, о чем его даже не просили – это помогало сэкономить время и силы. В перерывах он уводил ее в полутемную боковую комнату, и они сидели в полной тишине, даже не переговариваясь и не обмениваясь замечаниями. Они просто отдыхали от света, громких замечаний и бесконечного скрипа переставляемого реквизита. Такие моменты длились по несколько минут, а потом их выдирали под электрический свет, и все начиналось по новой.

Она быстро поняла, насколько правильным было его решение оставить ей брючный костюм. Изменения ограничились лишь тем, что на середине процесса с нее сняли жакет, и она осталась в белой блузке и свободных брюках, однако и этого хватило, чтобы нагнать на нее тоску и неуверенность. К концу съемки у нее уже отламывались ноги, а в районе колен как будто забили по колу на каждый сустав. Эрик, видимо, чувствовал себя примерно так же. От белых отражателей

слепило глаза, которые Сокол упорно заставлял их распахивать во всю ширь, и Нора проклинала всех и вся. Руки тоже были в не лучшем состоянии – локти устали, а запястья едва не затекли от слишком долгого позирования. Получилось несколько сотен снимков, и, отправляя своих уставших клиентов домой, Сокол пообещал отобрать только самые лучшие. Марк остался с ним, а новобрачные уехали на той же машине.

Они лежали друг на друге, разместившись так, что было не очень понятно, кто на кого и что закинул или положил. Она лежала на его коленях, он сполз со спинки сидения и удобно расположился на ее плечах. При таком раскладе ноги пришлось уткнуть в угол, не заботясь об удобствах и красивом внешнем виде. Ей было все равно, как они выглядят со стороны и что о них вообще может подумать водитель. И вообще, его дело – везти машину, а не разглядывать пассажиров.

Их оставили у самых ворот, после чего усталые молодожены прошли в главный дом и разместились в самой большой гостиной. Было уже темно, и они зажгли только одну настенную лампу – хоть какое-то подобие романтики. Нора, не стесняясь, улеглась на диван, а Эрик развалился в кресле напротив. Между ними блестел лакированной поверхностью журнальный столик красного дерева.

– У тебя есть родственники и друзья, которые должны знать о нашей свадьбе? – спросил он, прекрасно осознавая,

что опоздал с этим вопросом на несколько месяцев. Просто ему хотелось хоть чем-то занять образовавшееся между ними свободное пространство, и этот с виду нейтральный вопрос, по его мнению, подходил просто идеально.

Она покачала головой, перевернулась на спину и поджала ноги.

– Нет. Я одна.

– Совсем одна?

– А ты тоже совсем один?

Он хохотнул и понимающе закивал:

– Ясно, ясно. Хорошо, давай сыграем в дашь-на-дашь. Я говорю о себе, и ты говоришь о себе. Компромат на компромат, все честно.

– Валяй, – уже не заботясь об изящных выражениях, вздохнула она.

Эрик приподнялся, скинул пиджак и выбросил его прямо на пол.

– У меня есть сестра, а мама умерла в прошлом году. Агата – так зовут мою сестру – не приедет, потому что не одобряет это решение. Она считает, что ты исчезнешь из этого дома так же быстро, как и появилась здесь, а значит, наша свадьба не стоит того, чтобы она мчалась сюда на всех парусах, бросала дела и отрывала от школы детей. Давай теперь ты.

Нора немного помолчала, отчего у Эрика возникло стойкое ощущение, что она собирается солгать.

– Я была замужем. У меня были родители. Я ушла от му-

жа, а родители от меня отреклись.

Это тоже походило на ложь, но ее полная неподвижность и странный ледяной тон подсказали ему, что хотя бы половине из сказанного можно верить.

– А друзья?

– А твои друзья? Те, с которыми ты отдыхаешь?

– Те, с которыми я глотаю дрянь вроде колес и химических коктейлей?

– Да, те самые.

– Я предположил, что ты не будешь рада их видеть.

– Но это же не только мой праздник.

– Ты права, я тоже не буду рад их видеть. Для них я уехал в теплые края, отходить от праздников. На неделю. Это значит, что на эту неделю я твой.

– Вот уж радость какая, – хихикнула она. – У меня нет такой недели – работа ждет и полыхает.

– Тебе платят копейки, бросай ты эту работу.

– Не брошу. Я ее люблю.

– Да ну? Ладно, черт с работой, не хочу сейчас, позже еще поговорим. А что муж? Красивый был?

Нора подтянулась наверх и положила голову на мягко обитую ручку дивана.

– Да. Красивый.

– Как я?

Она повернулась к нему и приподняла брови, отчего Эрик снова почувствовал себя не очень умным человеком.

– Нет, не настолько, – скользнув взглядом по его ослабленному телу, выдала она, а потом вновь отвернулась и устремила взгляд в потолок. – Но женщинам он нравится.

– Женщинам иногда нравятся всякие уроды.

– А мужчинам нет?

Он примирительно улыбнулся:

– Мужчинам тоже. А если он был так хорош, то почему ты его бросила?

– Я и тебя брошу, хотя ты даже лучше.

Она отвечала на его вопросы, но при этом ей удавалось ускользнуть от самого главного, и он всегда чувствовал себя так, словно его надули.

– Не-а, лестью ты меня не усыпишь, – покачал головой он. – Он тебя бил? Он был таким же, как я – торчком и пьяницей? Что он тебе делал?

Нора вздохнула так, что он даже услышал не прозвучавшие, но отлетевшие в ее дыхании слова «А не пошел бы ты со своими вопросами?»

– Он... он поставил мне клеймо на роже, – с какой-то неожиданной ожесточенностью процедила она. – Такое, что не сводится даже новыми ожогами. Вообще ничем не сводится.

– Я обещаю, что не буду ставить на тебе никакие метки, – заверил ее он.

– Пустые слова, – хмыкнула она. – Я опять наступила на те же грабли. Ты не поставишь, твоя жизнь поставит. Бу-

дет еще одно клеймо, уже на другой щеке. Но, по крайней мере, этого я уже не буду так стыдиться.

В золотистом свете лампы линии ее тела размылись, и Эрику даже казалось, что она вовсе слилась с диваном. Или просто ей очень хотелось слиться. Белый воротник, расстегнутые пуговицы, у ножек дивана две маленькие туфельки. Черные волосы свисали почти до пола.

– Ты очень красивая, – честно сказал он.

Ему уже давно не приходилось говорить эти слова просто так, без цели получить что-нибудь или расположить к себе женщину. Обычно Эрик говорил комплименты только влиятельным матронам, с которыми нужно было флиртовать во имя бизнеса. Часто бывало и так, что сладкие слова помогали обзавестись любовницей на один вечер. Он уже и забыл, что произнести обычную фразу «Ты очень красивая» можно без особого умысла, но потратив при этом больше чистых эмоций, чем потребовалось для всей сегодняшней фотосессии.

Нора поднялась, размяла затекшую шею и повертела головой, пытаясь найти свой жакет.

– Я, пожалуй, пойду домой, – сказала она.

– Нет, не уходи, – сползая к шепоту, попросил он. – Это наша брачная ночь. Я не опасен. Ты не напряжена. Мы можем провести вместе чудный вечер и уснуть прямо здесь, если ты захочешь. Если уйдешь, держать тебя я не стану, но потом поеду куда-нибудь и напьюсь так, как делаю это обычно.

– Не лови меня на шантаж, – улыбнулась она, погрозив ему пальцем. – Ненавижу это дело. И еще я есть хочу.

– Закажем из ресторана? Они привезут через полчаса.

– Давай, – кивнула она, принимая решение остаться и спасти его от пьянства хотя бы на одну ночь.

На белом костюме остались следы от итальянского соуса. На черном шелковом смокинге до сих пор красовались пятна от шоколадных пирожных – почему-то они заказали три штуки на двоих. Они не отдавали свою свадебную одежду в чистку. Эти костюмы висели в одном из шкафов в доме, где Нора поселилась после развода. Эрик знал, что они покоятся на одной вешалке. Белый пиджак вправлен в черный, брюки сложены внутри, а сверху все это прикрыто одним пакетом. Это было весьма символично.

Все дорожки ведут в ад

– Нет, ты представляешь, первые выходные окупили бюджет почти в полтора раза!

Марк почти не дышал от восторга. Эрик придерживался несколько иного мнения.

– Не знаю, чему ты так удивляешься – бюджет был, мягко говоря, очень скромным.

– Да брось, старик, ты же и сам, наверное, не ожидал подобного успеха! Космические эпопеи вышли из моды лет пятнадцать назад, а тут раз – и выстрел в самое оно! В следующий раз слушайся папочку, я тебе плохого не посоветую.

– Ты это о чем?

– А помнишь, как ты не хотел браться за эту роль? Помнишь, что ты мне говорил?

Эрик вздохнул:

– Помню. Я и сейчас не в восторге от того, что моя рожа засветилась в этом балагане, но раз уж такое дело, то ладно, я как-нибудь переживу. Бизнес есть бизнес.

– Как думаешь, может, нам все-таки поехать вместе на последнюю премьеру?

– Ты про южное полушарие? Нет, я же сказал, что не поеду.

– Эрик, порой ты меня просто бесишь.

– Знаю, это взаимно.

Но Марк уже ухватился зубами, и отпускать явно не собирался.

– Ты сыграл главную роль, отдал столько сил и потратил три месяца на съемки. Подумай хорошо, это же и твой труд тоже. Кое-кто из критиков уже упомянул о том, что ты тянешь на себе весь фильм, а значит, тебе нужно позаботиться о том, чтобы картина имела еще больший успех.

– Можно подумать, что последняя премьера сделает нам кассу.

– Нет, но она подбросит еще горячих снимочков, а это нам сейчас очень нужно.

– Горячих снимочков было уже очень много. И роликов, и интервьюшек, и обложечек – всего, чего только фанатские душеньки желали. Всего-всего.

– Вот и подумай сам, разве тебе не жаль весь этот труд? Просто слетай туда-сюда, на это уйдет пара суток, не больше. Если будешь пошустрее, то вообще одни сутки.

Эрик тяжело вздохнул. Еще сутки – это много. Ему хотелось поскорее расправиться со всей этой суетой и поехать к жене и сыну, тем более, если она так открыто сказала, что будет ждать его. Но Марк уже начинал давить, и это было плохим признаком. К тому же, во всем, что касалось профессии, с менеджером лучше было не спорить – он всегда безошибочно угадывал правильные действия и давал подсказки.

Марку удалось продать свадебные снимки только двум

журналам. Оно и понятно, поскольку авторитетные издания предпочитают заказывать фотосессии сами. Публиковать на страницах то, что уже подготовлено и сделано по чужим вкусам, никто из видных представителей прессы не собирался, а потому им пришлось ограничиться единственным выпуском журнала второй ступени. Впрочем, Эрику было все равно.

Однако за этим поднялась реакция, которая стала для Эрика настоящим сюрпризом. Марк, со своей стороны, ничему не удивлялся – он ожидал, что все так и будет. Снимки разошлись по интернету – вначале зернистыми перефотками со смартфонов, а затем и полновесными сканами. Оригинальные фото со свадьбы угасшего секс-символа почему-то взбудоражили публику. Ностальгия? Любопытство? Экзотика? Кто знает...

Передовые таблоиды, позабыв о том, что сами отказывали Марку, стали звонить и стыдить его за то, что он не удосужился предложить снимки именно им. Создавалось впечатление, будто они так часто захлопывали перед людьми двери, что уже и не помнили, кому, когда и что именно говорили. По законам бизнеса Марк должен был обещать редакторам развернутую статью и пару самых замечательных фотографий, которые он приберег специально для них. К слову сказать, так и было на самом деле – он действительно не стал отдавать лучшие снимки в первую очередь. Эрик только наблюдал за своим менеджером и дивился его гениальности.

Еще через неделю, уже в конце февраля, Марк позвонил ему и сказал, чтобы он срочно собрал Нору, одел ее во что-то подобающее случаю и усадил в машину.

– Подобающее какому случаю? – уточнил Эрик, лениво разглядывая новенькое кофейное пятно на белой скатерти.

– Никакому, идиот... ладно, не злись, я просто малость взбудоражен.

Как можно быть «малость взбудораженным» Эрик не понимал.

– И?

– У вас сегодня интервью.

– О таких вещах предупреждают заранее!

– О свадьбах тоже предупреждают заранее. Делают анонс за полгода, потом переносят дату свадьбы еще на полгода, потом разыгрывают спектакль с расставанием и дают еще отсрочку в несколько месяцев, а к моменту бракосочетания все уже полностью готовы. Мы поступили иначе. С нами теперь тоже иначе.

– Черт бы тебя побрал, Марк, я даже не знаю, что говорить!

– Да брось, придумаешь что-нибудь. Я только вчера хотел заехать к тебе с легендой, но, видишь, не успел.

– Некоторые женятся и обходятся без интервью.

– Они женятся для себя, а ты женился для публики, так что теперь работай на публику и не трепи мне нервы.

Эрик грохнул трубку об столешницу (это была такая тра-

диция), запахнул халат и вышел через заднюю дверь.

Нора так и не запаслась подобающей одеждой, а потому они решили проблему по-старому – приехали практически в одном и том же. Вышли из машины в почти одинаковых спортивных куртках, едва причесанные и домашние. Марк встретил их хмурым лицом и осуждающим взглядом, но Эрик только дружелюбно улыбнулся в ответ. Конечно, в фойе пятизвездочного отеля, где они собирались давать интервью, гости в таком виде появлялись не очень часто, но Эрик знал, как нужно обыграть неправильные костюмы. Еще дома он предупредил Нору, чтобы она держалась позади него и говорила как можно меньше – отвечала только на прямые вопросы, если получится. На это Нора ответила, что она была бы рада вообще ничего не говорить.

Репортер ждал их в полутемном углу, сидя в мягком кресле и разглядывая никотиновый пластырь на собственном предплечье. Услышав их шаги, сразу же поднялся, попутно опуская рукав рубашки и пытаясь застегнуть манжет.

– Не стесняйтесь, я сам частенько ими обхожусь, – добродушно солгал Эрик. – Весьма удобная штука.

– Я только на них и сижу в последнее время, – вздохнул паренек.

Прислали стажера? Или просто новенького? Во всяком случае, никакой угрозы в Эрике и его новоявленной жене не почувствовали, и это было прекрасно. Одурачить зелено-

го журналиста было проще. Конечно, у этих деток уже были острые зубки, но им не доставало опыта, и они не знали многих тонкостей, которыми пользовались старые репортеры. К примеру, они не могли уловить и истолковать мелкие нервные жесты, выдававшие ложь или фальшь.

– Хорошо, можно приступать, – дождавшись, пока все рассядутся и успокоятся, дал отмашку Марк.

– Вы уж простите, что мы в таком виде, – делая вид, что ему действительно неловко, улыбнулся Эрик. – Просто все это так неожиданно, мы даже не успели толком позавтракать.

Парнишка явно смутился и даже покраснел.

– Прошу прощения, я думал, что вас предупредят заранее. Мы ведь договаривались с вашим менеджером еще три дня назад...

Эрик бросил на Марка преувеличенно удивленный взгляд, а Нора очень к месту приснула в ладошку. Немая сцена была вполне забавной и соответствовала планам Эрика.

– Во всяком случае, я узнал о нашей встрече только час назад. Сами понимаете, не было времени собираться, просто выбежали из дому, в чем были.

– Да все в порядке, – поднимая руки и усиленно мотая головой, заверил их паренек. – Так даже лучше. Такая теплая естественная атмосфера. Ну, ладно, с чего мне начать?

– А с чего угодно, – все еще продолжая играть роль доброго дядюшки, подсказал ему Эрик. – Нам скрывать все рав-

но нечего.

– О, ясно. Ну, тогда вот. Вот уже пять лет мы не видели никаких громких картин с вашим участием, и все новости, в которых фигурировало ваше имя, носили не совсем привлекательный характер. Что же случилось сейчас – к выходу готовится новый фильм, а сами вы представляете миру свою молодую жену? Сможете объяснить такие перемены?

Эрик беззаботно растянулся в улыбке, показывая все еще идеальные (и полностью свои настоящие до последнего коренного) зубы.

– Я познакомился с Норой, и она направила меня в нужное русло. Научила есть здоровую пищу, заставила отказаться от алкоголя и перейти на никотиновые пластыри.

Нора опустила голову и закусила губу, чтобы не расхохотаться. Когда они встретились, Эрик вообще не курил – он бросил за полгода до знакомства с ней. Зато он успешно продолжал выпивать спиртные напитки любого качества и закусывать таблетками всех расцветок.

– Так значит, вы изменились не только внешне?

– О, да, я чувствую себя совершенно другим человеком.

– А можно вопрос вашей супруге?

– Конечно, если она не против.

Парнишка заправил прядь сальных волос за ухо и вскинул ресницы – совсем как девка. Наверное, этому экземпляру лет двадцать, и Нора ему понравилась.

– Да, разумеется, – скромно согласилась она, ободряюще

глядя на репортера.

– Можете рассказать, как вы познакомились с Эриком, и какое он на вас произвел впечатление? Он ведь тогда, насколько я понимаю, был не в лучшей форме.

Скотина. Эрик сжал зубы, чтобы не ругнуться или не плюнуть на наглеца. И знает же, кому какие вопросы задавать!

Он осторожно взял Нору за руку и как можно мягче сжал ее тонкие пальцы.

– Это случилось в банке, – медленно проговорила она, безотрывно глядя в голубые глаза паренька и, кажется, немного его смущая. – Я ведь не из этой страны. Мне пришлось решать кое-какие вопросы с финансами – перевод счетов и все этом духе. Это было сложно. Эрик оказался рядом и даже помог мне. Оператор, с которым я имела дело, узнала его, и это обеспечило нам некоторое преимущество. А потом он просто пригласил меня на чашечку кофе.

Пошлая история – как раз то, что любят читатели таких вот журнальчиков. Нет, конечно, парнишка представлял вполне солидное издание, но в любом случае, черпать инфу из печатных вариантов уже не популярно – все, кому нужна истина, копают глубже, используя клавиатуру своих компов или смартфонов. Нора могла позволить себе такую ложь, и Эрик даже удивился тому, как быстро она смогла сочинить такую складную легенду, почти на пятьдесят процентов состоявшую из правды. Хотя, их собственная и реальная история была даже более пошлой.

– Просто пригласил на чашечку кофе, и вы согласились? – изумился ребенок.

– Да, а что тут такого? Это была простая благодарность.

– А вы сразу узнали в нем кинозвезду?

– Я не смотрю кино.

Эта последняя фраза ощутимо ударила по аналитическому уму парнишки, и он на какое-то время погрузился в молчание, которое никак нельзя было назвать задумчивым – он просто хлопал своими чертовыми ресницами и таращился на нее как на восьмое чудо света.

– То есть, вы совсем не смотрите кино?

– Да, – просто ответила Нора, и Эрику показалось, что он даже почувствовал, как ей было хорошо. Она умела кусаться, когда ей было очень нужно. – Я узнала о его славе чуть позже, когда мы сидели в кафе и какой-то мужчина с камерой стал нас фотографировать.

Эрик и Марк мысленно аплодировали. Это было не то чтобы блестяще, но для первого раза совсем неплохо.

Дальше разговор пошел о делах насущных, и Нора с удовольствием ушла в тень. Она не вслушивалась в их беседу, но оставалась на связи – пару раз она помогла Эрику подобрать нужное слово.

Цирк с интервью закончился уже через двадцать минут, и они оставили позади немного растерянного и даже уставшего ребенка с диктофоном, а сами отправились в ближайшую закусочную, чтобы выпить, наконец, свой утренний ко-

фе.

– Беру свои слова обратно, – сделав большой глоток из своего стакана, признался Марк. – Нора, ты нам очень помогла. Я не думал, что ты так быстро справишься.

– Мне же не пять лет, – скромно, но зловредно заметила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.